

Герасимов Е.Н.

**Философия
практической деятельности
Мао Дзэ-дуна**

КИЕВ – 2009

СОДЕРЖАНИЕ

I

Формирование мировоззрения Мао Дзэ-дуна. От мелкобуржуазного мировоззрения к диалектико-материалистическому

II

Деятельность Мао Дзэ-дуна в годы борьбы китайского народа за национальное освобождение страны от империалистической агрессии и проведения народно- демократической революции(1918 –1949гг.)

III

Китай накануне победы народно-демократической революции в стране и образования Китайской Народной Республики

IV

Восстановление и развитие народного хозяйства в Китайской Народной Республике под руководством Мао Дзэ-дуна (1949 –1952)

V

Строительство социализма – генеральная линия Коммунистической партии Китая (1953 –1957)

VI

Субъективно-волюнтаристические ошибки в деятельности Мао Дзэ-дуна. Курс на проведение в стране «большого скачка», «народных коммун», «культурной революции» (1958 –1976)

VII

Идейно-политические взгляды Мао Дзэ-дуна (Мао Дзэ-дун – идейный и политический сторонник или противник марксизма-ленинизма?)

Приложение

*Китайским товарищам, строителям
социализма, в память о Мао Дзэ-дуне—
основателю КНР*

Философия практической деятельности Мао Дзэ-дуна – это продукт конкретно-исторических условий Китая, ведущего в то время борьбу за национальное освобождение страны, проведение народно-демократической революции, образования Китайской Народной Республики и построения социализма. Эта деятельность в жизни Мао Дзэ-дуна относится к периоду с 1918 г. по 1957 г., когда он принимал непосредственное участие и в борьбе китайского народа за национальное освобождение страны, и в проведении народно-демократической революции, ее перерастания в социалистическую, и в построении социализма под его руководством.

Философия практической деятельности Мао Дзэ-дуна базировалась на его диалектико-материалистическом, а не на метафизическом мировоззрении, сформировавшегося на основе перевоспитания, преодоления мелкобуржуазных взглядов, освоения основ марксизма-ленинизма, а главное – оно проходило в ходе длительной классовой борьбы, борьбы с проявлениями догматизма, консерватизма и ревизионизма внутри партии и в международном коммунистическом и рабочем движении.

Не будучи философом в полном смысле этого слова, Мао Дзэ-дун был последовательным сторонником учения К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина в области: марксистской философии, политической экономии и научного коммунизма. На вопрос: Был ли Мао Дзэ-дун сторонником или противником марксизма-ленинизма? Нами дается однозначный ответ: Мао Дзэ-дун был сторонником марксизма-ленинизма, а не его противником, как это утверждают ученые-обществоведы в хрущевско-брежневский период в Советском Союзе и странах социализма. Это относится и к периоду деятельности Мао Дзэ-дуна, связанного с проведением в стране «большого скачка», «народных коммун» и «культурной революции», где Мао Дзэ-дун допустил ряд ошибок субъективно-волюнтаристического характера (1958 –1976).

Не следует забывать, что это были годы обострения отношений между ЦК КПК и ЦК КПСС, обусловленные принятием ЦК КПСС (по докладу Н.С.Хрущева на XX съезде партии) постановления «О культе личности и его последствиях», ознаменовавшего начало наступления и очернения личности И.В.Сталина, его научно-теоретического наследия. Это вызвало ответную реакцию со стороны ЦК КПК и лично Мао Дзэ-дуна, для которого И.В.Сталин был примером для подражания и советником в вопросах классовой борьбы китайского народа, построения социализма в стране.

Настоящая работа посвящена освещению деятельности Мао Дзэ-дуна с 1918 по 1957 гг., то есть периоду, связанного с борьбой китайского народа за национальную независимость, проведения в стране народно-демократической революции, построения социализма в КНР. Не оставлено без внимания и субъективно-волюнтаристические ошибки в деятельности Мао Дзэ-дуна в годы так называемого «большого скачка», «народных коммун», «культурной революции» (1958 – 1976). Большое внимание уделено критическому анализу работ советских ученых-обществоведов, в том числе и научных сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института Дальнего Востока АН СССР, в которых Мао Дзэ-дун (маоизм) представлен как идейный и политический противник марксизма-ленинизма, что не соответствует

действительности его философии практической деятельности периода борьбы за независимость страны, построения основ социализма в Китае.

Было бы целесообразно работу назвать «Философия маоизма» по аналогии с «Философией сталинизма», так как в деятельности Мао Дзэ-дуна и И.В.Сталина было много общего. «Эпоха революционных бурь и созидания социализма – эпоха практических действий, эпоха жизни, эпоха борьбы, которой предшествовало накопление теоретических предначертаний и схем, начиная с «Капитала» Маркса и завершая «Апрельскими тезисами» Ленина, – была, – пишет доктор философских наук Е.И.Суименко, – одновременно и эпохой философии сталинизма»¹. С нашей точки зрения эта эпоха была и эпохой «философии маоизма», маоизма в его позитивном понимании, как философии практического действия.

¹ Суименко Е.И. Философия сталинизма // Марксизм и современность.– 2004.– №3 –4 (29–30).– С.4.

Формирование мировоззрения Мао Дзэ-дуна. От мелкобуржуазного мировоззрения к диалектико-материалистическому.

Выступая перед китайскими студентами в актовом зале Московского государственного университета в ноябре 1957 г. Мао Дзэ-дун сказал: «Я получил буржуазное воспитание и отчасти даже феодальное. Изучил несколько книг Конфуция и его последователей. Мы в то время совершенно не знали Маркса, Энгельса, а знали лишь, что были Вашингтон, Наполеон»¹. В социальном плане господство феодальных производственных отношений определяло и социальную структуру китайского общества как мелкобуржуазного, где основным классом было крестьянство. Выходец из крестьянской семьи (родился Мао Дзэ-дун 26 декабря 1893 г.) он был воспитан на традициях сложившихся к тому времени в крестьянской среде. Его общеобразовательная подготовка, начатая с частной школы, была продолжена в Дуншанской начальной школе уезда Сянсян, а затем в средней школе города Чанша – столицы провинции Хунань. В 1913 г. он поступает в Хунаньское педагогическое училище, которое заканчивает в 1918 году и уже в 1919 году становится директором начальной школы в городе Пекине.

В этот период Мао Дзэ-дун знакомится с произведениями китайских мыслителей Конфуция (VI в. до н.э.), Цзы-Сы (V в.до н.э.), Мэн-Цзы (IV–III вв.до н.э.), Сюнь-Цзы (III в.до н.э.) и др., а также с произведениями П.А.Кропоткина «Коммунизм и анархия» и др. Без сомнения китайские мыслители до нашей эры, особенно взгляды Конфуция, а позднее и П.А.Кропоткина, наложили определенный отпечаток на формирование мировоззрения Мао Дзэ-дуна.

Конфуцианство в Китае почти на протяжении двадцати веков являлось господствующей идеологией. Центральным понятием учения Конфуция является *жэнь* (гуманность). Не менее важное место в учении Конфуция занимает и понятие *ли* (норма общения, социальный регламент), являющееся конкретным воплощением высшего этического закона жэнь, методом его осуществления. Для достижения жэнь, как считал Конфуций, необходимо совершенствовать себя при помощи самоусовершенствования в результате самовоспитания и самообучения. Гуманистическая часть учения Конфуция и других китайских мыслителей положительно воспринималась прогрессивной китайской молодежью, в частности, и Мао Дзэ-дуном. Негативно воспринималась та часть его учения, где речь шла о классовом противопоставлении «благородных» и простых людей. Этим объясняется то, что идеологи китайского феодализма всячески превозносили подчинение индивида своему сословию, государству, императору, который якобы выполняет великую миссию защиты своих соотечественников. Мао Дзэ-дун главной целью всей своей жизни ставил борьбу с феодализмом в Китае с его уничтожением и установлением строя народной демократии.

Противоречивый характер на формирование мировоззрения Мао Дзэ-дуна оказали и взгляды П.А.Кропоткина. С одной стороны, нарисованная им картина коммунистического общества, в котором «каждый считается равный другому в том что касается его права на благополучное существование, лишь

бы он не преклонялся перед волей и высокомерием других и поддерживал равенство во всех своих личных сношениях с товарищами по коммуне»², была положительно воспринята революционно настроенной частью китайской молодежи, а с другой, – анархизм имел существенные недостатки. Ему «не缺ает, – как писал В.И.Ленин,– (α) понимания *причин* эксплуатации; (β) понимания *развития* общества, ведущего к социализму; (γ) понимания *классовой борьбы*, как творческой силы осуществления социализма»³. П.А.Кропоткин, как и все анархисты М.Штирнер, Прудон, Бакунин и др., отрицали необходимость государства и политической борьбы, выступали за немедленное уничтожение государства и создание, как отмечалось выше, новых форм объединения – коммун, состоящих из сельских общин, свободных союзов рабочих, интеллигенции и т.д.

Что касается государства, то «Маркс,– писал В.И.Ленин,– нарочно подчеркивает – чтобы не искажали истинный смысл его борьбы с анархизмом – «революционную и *преходящую* форму» и государства, необходимого для пролетариата. Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как *цели*. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса»⁴. Итак, мы отметили как положительную, так и отрицательную сторону анархизма. Как же следовало бы тогда к нему относиться? Ответ на данный вопрос дает В.И.Ленин. Он писал: «Из *анархизма* взять хорошее »⁵, то есть отбросить его утопические идеи, связанные с ликвидацией государства и немедленным переходом к построению коммунизма в планетарном масштабе.

На формирование мировоззрения Мао Дзэ-дуна немаловажное значение имело и имеет в Китае национальная идея (национализм) на протяжении многих веков выступающая неизменным принципом как внешней так и внутренней политики китайского руководства. Правящая верхушка Китая кичилась превосходством китайской нации и исключительными особенностями ее цивилизации. Официальная идеология (феодалская) представляла Китай в качестве центра мира, а китайский народ – избранным народом. Таким образом, конфуцианство, анархизм и национальная идея – три составные части, воздействующие на формирование мировоззрения подрастающего поколения в Китае конца XIX начала XX столетия.

Мао Дзэ-дуну, на наш взгляд, делает честь то, что в тех неимоверно трудных условиях, связанных с борьбой китайского народа за независимость и революционное преобразование общества, он сумел преодолеть «буржуазное воспитание» и встать на путь перевоспитания, на путь овладения марксизмом-ленинизмом. Сам Мао Дзэ-дун признавал, что на путь овладения марксизмом он вступил после того как прочитал в 1920 году «Манифест коммунистической партии». В дальнейшем «я немного изучал марксизм по книгам и сделал первые шаги в идеологическом *самоперевоспитании* (курсив наш – Е.Г.), однако перевоспитание все же главным образом происходило в ходе длительной *классовой борьбы*»⁶.

Обратим внимание, что «перевоспитание все же главным образом происходило в ходе длительной классовой борьбы». В ходе идущей в стране борьбы за национальное освобождение родины от империалистической агрессии, в которой Мао Дзэ-дун принимал непосредственное участие. В это время он работает над повышением своего идейно-теоретического уровня, изучает некоторые труды классиков марксизма-ленинизма, читает литературу по философии, политической экономии, научному коммунизму. И все это в тяжелейших условиях, достаточно полно описанных П.П.Владимировым, командированным Коминтерном в качестве связного с ЦК КПК. «Вечером, – вспоминает П.П. Владимирова, – меня, Орлова, Риммара и Алеева пригласили к Мао Дзэ-дуну. Он принял нас в своей *пещере* (курсив наш – Е.Г.), открытой в узком ущелье подле реки, но гораздо выше ее уровня... Местечко, где открыта пещера Мао Дзэ-дуна, рядом с городом и называется Яньцзялин»⁷.

В Яньане (Красный район Китая) работала партшкола по изучению коммунистами основ марксизма-ленинизма. Преподавал в партшколе Чэнь Бода. В 20-х годах он закончил Институт имени Сунь Ятсена в Москве. Он выступал со статьями по теории марксизма-ленинизма и опубликовал ряд книг. Чэнь Бода был для Мао Дзэ-дуна не только главным ученым секретарем, но и бесценным советником по теории марксизма-ленинизма. С его помощью, надо полагать, Мао Дзэ-дуном были подготовлены и прочитаны в партшколе лекции «Относительно практики. О связи познания и практики – связи знания и действия» (Июль 1937 года) и «Относительно противоречия» (Август 1937 года). В 1937 году они были изданы отдельными статьями. В них Мао Дзэ-дун обобщил опыт китайской революции с философской точки зрения, применив марксистскую теорию познания и диалектику для того, чтобы вскрыть и подвергнуть критике проявления догматизма (консерватизма) в вопросах теории и практики. Это было обусловлено тем, что в то время в партии была группа товарищей – приверженцев догматизма. Для них, выходцев из мелкобуржуазной и крестьянской среды, свойственно было обыденное сознание. Обыденному сознанию присущ консервативный, не творческий характер мышления. Индивиды, чье сознание не выходит за пределы обыденного сознания, как правило, мыслят метафизически. Поэтому в вопросах теории и практики, выступают с догматических позиций, с чем неоднократно сталкивался Мао Дзэ-дун при решении тех или иных вопросов внутренней или внешней политики партии.

Перед Мао Дзэ-дуном стояла задача вооружить, прежде всего, членов партии знанием основ марксизма-ленинизма, способствовать таким образом формированию у них диалектико-материалистического мировоззрения. При этом следует заметить, что в то время, когда Мао Дзэ-дун читал свои лекции в Яньани, он был скромного мнения о них, считая, что главная их цель – дать популярное изложение философии широким партийным кадрам. Это касается и более поздних его работ таких как: «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957) и «Откуда у человека правильные идеи?» (1963).

Однако, в годы «культурной революции», с молчаливого согласия Мао Дзэ-дуна, все его работы хунвэйбинами и его сторонниками по партии были объявлены «большим скачком» в развитии марксистско-ленинской теории, а

его идеи – единственно революционными в мире – «Мао Дзэ-дун-идеи». Они были направлены на борьбу с ревизионизмом в руководстве КПСС и с оппортунизмом в коммунистическом и рабочем движении.

Возникает вопрос: Кем же был Мао Дзэ-дун – сторонником или, как утверждают авторы коллективной монографии, идейным и политическим противником марксизма-ленинизма? ⁸ Ответ на поставленный вопрос требует от нас шаг за шагом рассмотреть деятельность Мао Дзэ-дуна начиная с 1918 по 1976 гг., включающих в себя два периода. Первый, с 1918 по 1957 гг.– период активной творческой деятельности Мао Дзэ-дуна, связанный с борьбой китайского народа за национальное освобождение страны от империалистической агрессии, проведения в ней народно-демократической революции и построения социализма в КНР. Второй, с 1958 по 1976 гг. – это годы субъективно-волюнтаристической деятельности Мао Дзэ-дуна, связанной с проведением в стране «большого скачка», «народных коммун» и «культурной революции».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мао Цзэ-дун. Из выступления в актовом зале Московского государственного университета перед китайскими студентами, обучающимися в Советском Союзе (17 ноября 1957 года)// Маоизм без прикрас. Некоторые уже известные, а также ранее не опубликованные в китайской печати высказывания Мао Дзэ-дуна. Сборник. – М., 1980. – С. 43.

² Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. II. Коммунизм и анархия. // См.: Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия.– М.,1990.– С.390.

³ Ленин В.И. Анархизм и социализм // Полн.собр.соч.– Т.5.– С.377.

⁴ Ленин В.И. Государство и революция // Полн.собр.соч.– Т.33.– С.60.

⁵ Ленин В.И. Материалы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала // Полн.собр.соч.– Т.41.– С.447.

⁶ Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа.– М.,1957.– С.26.

⁷ Владимиров П. Особый район Китая 1942–1945 гг. – М.,1973.– С.13.

⁸ См.: Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма.– М.,1975.

II

Деятельность Мао Дзэ-дуна в годы борьбы китайского народа за национальное освобождение страны от империалистической агрессии и проведения народно-демократической революции (1918 –1949)

Мао Цзэ-дун один из выдающихся деятелей, который оставил глубокий след в истории Китая и как один из основателей Коммунистической партии Китая, и как активный участник борьбы китайского народа за национальное освобождение страны, проведения народно-демократической революции и образования Китайской Народной Республики.

С юных лет, горячо любя свою родину, он неустанно стремился к познанию революционных идей и применению их на практике. В двадцать пять лет Мао Цзэ-дун вместе с Цай Хэсэнем в апреле 1918 года в г. Чанша (Чанша – столица провинции Хунань) создает общество «Новый народ» с целью поиска путей и методов революционного преобразования Китая.

В 1919 году, он начал издавать в Хунани журнал «Сянцзянское обозрение», а в следующем году организовал «Общество культурного чтения» для распространения революционных идей. В 1920 году он создает в г. Чанша коммунистические группы, становясь активным участником коммунистического движения в Китае и одним из основателей Коммунистической партии Китая.

В июле 1921 года собрался I съезд партии, который ознаменовал образование Коммунистической партии Китая. Мао Цзэ-дун присутствовал на нем, представляя Хунаньскую организацию. Будучи секретарем Хунаньского комитета КПК он руководил рабочим движением в городах Чанша и Аньюани. И в дальнейшем, как увидим, он партийную работу рассматривал в неразрывном единстве с национально-освободительной борьбой китайского народа и с проведением народно-демократической революции.

Мы знаем какое значение Коминтерн и Советское правительство придавали в тот период созданию «единого фронта» в борьбе китайского народа против японского империализма и недопущения гражданской войны в стране. На III съезде КПК в июне 1923 года партия взяла курс на сотрудничество с Гоминьданом, которым тогда руководил доктор Сунь Ятсен. Мао Цзэ-дун не просто участвовал в работе съезда, а принимал самое активное участие в его работе. На съезде он был избран членом Центрального исполнительного комитета партии, а после установления сотрудничества между КПК и Гоминьданом он избирается кандидатом в члены Центрального исполнительного комитета Гоминьдана на его I (январь 1924 г.) и II (январь 1926 г.) съездах.

В период 1925-1927 гг., в пору назревания разрыва сотрудничества между Гоминьданом и КПК, Мао Цзэ-дун был не сторонником гоминьдановской линии, как об этом утверждает Федор Михайлович Бурлацкий¹, а сторонником линии ЦК КПК и Коминтерна о недопущении гражданской войны, в условиях войны с японским агрессором. И только после того, как правое крыло Гоминьдана, контролируемое Чан Кайши, нанесло предательский удар по антиимпериалистическому и антифеодальному союзу между коммунистами и Гоминьданом, именно по инициативе Мао Цзэ-дуна состоялось чрезвычайное

совещание ЦК КПК (7 августа 1927 г.) на котором он выдвинул тезис о том, что политическая власть должна быть захвачена с помощью революционных вооруженных сил, нанося вооруженное сопротивление проводимой капитулянтской политики Гоминьдана. На чрезвычайном совещании Мао Цзэ-дун был избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК и направлен в Хунань для организации вооруженной борьбы на границе Хунани и Цзянси.

В этот период (1928-1930) Мао Цзэ-дун пишет работы: «Почему в Китае может существовать красная власть?», «Борьба в Цзинганшане» и «Из искры может разгореться пожар»², в которых обосновывается революционный путь захвата политической власти в стране. Написанию указанных работ предшествовал определенный опыт революционной борьбы в сельской местности. На основе сложившейся реальной обстановки делался вывод о том, что захват власти в городе должен осуществляться путем его окружения сельскими районами. Девятого сентября 1927 года, сразу же после завершения работы чрезвычайного совещания (7 августа 1927г.), Мао Цзэ-дун отправляется в Хунань, где возглавляет «восстание осеннего урожая», а затем повстанческие отряды, которые он переводит в горы Цзинганшан, где создает первую в Китае революционную базу. В апреле 1928 года повстанцы Мао Цзэ-дуна соединились с отрядом Джу Дэ, в результате чего был сформирован 4-й корпус рабоче-крестьянской Красной армии Китая, в котором Мао Цзэ-дун был представителем КПК и комиссаром, а Джу Дэ – командиром. После того как был сформирован 1-й фронт Красной армии (август 1930 г.), Мао Цзэ-дун был одновременно секретарем фронтового комитета КПК и политкомиссаром. К этому следует добавить, что в ноябре 1931 года в г.Жуйцзине (провинции Цзянси) было сформировано Центральное временное правительство Китайской советской республики и Мао Цзэ-дун был избран его председателем.

В 1933 году Мао Цзэ-дун избирается членом политбюро ЦК КПК, но вскоре был выведен из центрального руководства и партии, и армии. К этому времени в руководстве партии возобладал левый авантюризм. И надо отдать должное Мао Цзэ-дуну, что по его инициативе в Цзуньи (провинция Гуйчжоу) в январе 1935 года было проведено расширенное совещание Политбюро ЦК КПК, на котором было покончено с левоавантюристическим руководством в ЦК и сформировано новое центральное руководство во главе с Мао Цзэ-дуном. Следует подчеркнуть – это спасло партию и Красную армию от смертельной опасности и явилось жизненно важным поворотным пунктом в истории как КПК, так и лично Мао Цзэ-дуна.

«Почему именно Мао Цзэ-дун, – пишет Ф.М. Бурлацкий, – выдвинулся в 1935 году на роль руководителя партии...?»³. И дает, на наш взгляд, достаточно убедительный ответ: «Мао Цзэ-дун обнаружил незаурядные способности в борьбе за власть, которая постоянно раздирала китайское руководство»⁴. От себя добавим, что разлад и разногласия в руководстве партией и страной имело место и в последующие периоды истории Китая. Не этим ли объясняется тот факт, что пост Председателя ЦК КПК Мао Цзэ-дуну окончательно удалось закрепить за собой на VII съезде партии в 1945 году. В этих условиях от Мао Цзэ-дуна требовалось проявление высокой воли, настойчивость в достижении поставленной цели, опора на широкие народные массы. Последнее облегчалось тем, что в тот период для широких народных масс характерной чертой было

персонификация власти и возвышение вождя нации, свойственное патриархальной политической культуре. В свою очередь Мао Цзэ-дун лучше других понимал душу и чаяния своего народа. Миллионы китайцев верили ему и не без основания, верили в революцию, в лучшую жизнь. Это вдохновляло народ на самоотверженную борьбу за национальное освобождение страны от империалистической агрессии и на проведение народно-демократической революции.

В период нарастания японской агрессии Мао Цзэ-дун выступает и как военный теоретик, и как организатор борьбы китайского народа за национальную независимость страны⁵. Как военный теоретик он выступает с докладами, пишет работы и статьи, обращаясь к народу и партии. После заседания Политбюро ЦК КПК (декабрь 1935 г.), на котором рассматривались вопросы стратегии и тактики борьбы китайского народа, Мао Цзэ-дун выступил с докладом перед партийным активом на тему «О тактике борьбы против японского империализма». В нем он в систематизированном виде изложил теорию и тактику единого национального антияпонского фронта. Развивая эту проблему, он пишет работы: «Вопросы стратегии революционной войны в Китае» (декабрь 1936); «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» (1938); «О затяжной войне» (1938) и ряд других.

В 1939-1940 гг. Мао Цзэ-дун опубликовал свои известные работы «К выходу первого номера журнала «Гунчаньданжэнь» (Коммунист)»; «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая»; «О новой демократии», где он всесторонне изложил основные концепции новой демократии, определил цели, задачи, движущие силы, характер и перспективы, по терминологии Мао Цзэ-дуна, новодемократической революции. В работе «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая» Мао Цзэ-дун ставит вопрос: «Против кого в основном направлена китайская революция на современном этапе, кто является ее главным врагом?» И отвечает: «С тех пор как японские империалисты совершили вооруженное вторжение в Китай, главными врагами китайской революции являются японский империализм и все сомкнувшиеся с японцами, открыто капитулировавшие или готовящиеся капитулировать национальные предатели и реакционеры»⁶.

Мао Цзэ-дун обосновывает необходимость вооруженной борьбы, ссылаясь при этом на И.В. Сталина: «В Китае, – пишет И.В. Сталин, – вооруженная революция борется против вооруженной контрреволюции. В этом одна из особенностей и одно из преимуществ китайской революции». И Мао Цзэ-дун констатирует, что «это совершенно правильно»⁷. Если главными врагами китайской революции являются империализм и класс феодалов-помещиков, то «не подлежит никакому сомнению, – писал Мао Цзэ-дун, – что главная ее задача – бить по обоим этим врагам. С одной стороны, задача состоит в осуществлении национальной революции, направленной на свержение гнета иностранного империализма, а с другой – в осуществлении демократической революции, направленной на свержение гнета феодалов-помещиков внутри страны, причем главнейшей из этих двух задач является национальная революция, направленная на свержение империализма»⁸.

Далее Мао Цзэ-дун определяет движущие силы китайской революции, ее характер и перспективы развития. Мао Цзэ-дун, говоря о движущих силах

революции считал, что «... нельзя игнорировать значение пролетариата, значение крестьянства и других слоев мелкой буржуазии. Кто вздумает отмахнуться от китайского пролетариата, отмахнуться от китайского крестьянства и других слоев мелкой буржуазии, тот, – предупреждал он, – безусловно, не сможет решить судьбы китайского народа, тот, безусловно, не разрешит ни одного вопроса, стоящего перед Китаем»⁹. И действительно, с опорой на широкие социальные слои китайского народа, на класс рабочих и крестьян, китайская революция приняла подлинно народный характер. «Политически, – писал Мао Цзэ-дун, – эта революция представляет собой диктатуру союза нескольких революционных классов, направленную против империалистов и национальных придателей-реакционеров, и борется против превращения китайского общества в общество буржуазной демократии»¹⁰. Среди этих революционных классов Мао Цзэ-дун выделяет пролетариат, который, как он считал, и поведет широкие народные массы, в начале на новодемократическую революцию, задачей которой, как мы уже знаем, было покончить с колониальным, полуколониальным и полуфеодальным гнетом, а затем перейти и к проведению социалистической революции. В заключении он пишет, что «...нет никакого сомнения в том, что конечной перспективой китайской революции являются социализм и коммунизм, а не капитализм»¹¹. И эта задача, уже в ближайшем будущем, то есть после завершения национально-освободительной борьбы китайского народа и взятия политической власти в руки трудящихся, целиком ляжет на плечи Коммунистической партии Китая.

Задолго до торжества победы первого этапа – этапа народно-демократической революции – Мао Цзэ-дун формулирует содержание политического строя, экономики и культуры новой демократии. Политический строй новой демократии – это диктатура союза всех революционных классов, а формой организации власти выступает демократический централизм. В экономической сфере – государственный сектор хозяйства будет по своему характеру социалистическим. В сельском хозяйстве будут ликвидированы феодальные отношения и земля будет передана в собственность крестьян. И, наконец, в области культуры, по замыслу Мао Цзэ-дуна, – это будет культура антиимпериалистическая, антифеодальная; культура национальная, выступающая против империалистического гнета, за национальное достоинство, за независимость китайского народа; культура научная, выступающая как против всяких феодальных идей, так и против мистики; культура массовая, а потому демократическая¹². Такова кратко суть политического строя новой демократии, ее экономического строя и сущности культурной революции.

В преддверии победы новодемократической революции в работе о «Коалиционном правительстве», написанной в 1945 году, Мао Цзэ-дун развивает эти положения. Он формулирует программу-минимум КПК, соответствующую новодемократическому этапу революции, которая, с одной стороны, дает возможность сделать шаг вперед и подняться от колониального, полуколониального и полуфеодального государства и общества к новодемократическому государству и обществу, а с другой – создает условия и предпосылки поднять Китай на более высокую ступень, на ступень борьбы за

социалистическое государство и общество, то есть перейти к реализации программы-максимум. Необходимость этапа новодемократической революции и утверждение новодемократического государства и общества в стране Мао Цзэ-дун, на наш взгляд, аргументирует достаточно убедительно. Он пишет: «Пытаться построить социализм на развалинах колониального, полуколониального и полуфеодального порядка, без единого новодемократического государства, без развития новодемократического государственного хозяйства, без развития частнокапиталистического и кооперативного хозяйства, без развития национальной, научной, массовой культуры, то есть новодемократической культуры, без раскрепощения и развития инициативы сотен миллионов людей – одним словом, без доведения до конца буржуазной по своему характеру демократической революции, демократической революции нового типа, руководимой коммунистической партией, – было бы совершенной утопией»¹³. Программа-минимум, по замыслу Мао Цзэ-дуна, давала возможность объединить все силы китайского народа, полностью уничтожить иностранных агрессоров и всех тех кто способствует им.

В чем же состояла суть программы-минимум – программы построения новодемократического Китая? За разъяснением обратимся к Мао Цзэ-дуну. «Мы считаем, – писал он, – что после полного разгрома японских захватчиков необходимо создать в Китае государственный строй, основанный на демократическом союзе участников единого фронта, опирающемся на подавляющее большинство населения всей страны и находящемся под руководством рабочего класса. Такой государственный строй мы называем новодемократическим»¹⁴. При этом Мао Цзэ-дун неоднократно подчеркивал, что эти положения программы полностью совпадают с революционными требованиями Сунь Ятсена, нашедшие отражение в Манифесте I-го Всекитайского съезда гоминьдана. В частности, в вопросах развития промышленности, сельского хозяйства, культуры. Пальма первенства при этом отдавалась аграрному сектору.

Мао Цзэ-дун считал, что для построения нового Китая необходимо осуществить аграрные преобразования, раскрепостить крестьянство. Суть аграрных преобразований он видел в реализации на практике лозунга Сунь Ятсена «каждому пахарю – свое поле», то есть передачу земли из рук феодалов в руки крестьян, обеспечив таким образом освобождение крестьян от феодальных аграрных отношений, создав тем самым все условия превращения Китая из страны аграрной в страну индустриальную. «Крестьянин – это главная фигура, – не без основания считал Мао Цзэ-дун, – на рынке китайской промышленности: только он может в изобилии поставлять продовольствие и сырье и поглощать в огромных количествах промышленные товары»¹⁵. Мао Цзэ-дун (при наличии частной собственности крестьян на землю) выступает за создание сельскохозяйственных производственных кооперативов на добровольных началах¹⁶.

Осуществление аграрных преобразований, раскрепощение крестьян будет означать одновременно и создание крупной промышленности, без которой невозможно дальнейшее развитие сельскохозяйственного производства. «Новодемократическое государство, – писал Мао Цзэ-дун, – может быть

упрочено лишь в том случае, если под него будет подведена прочная экономическая база, база передового, значительно более развитого, чем в настоящее время, сельского хозяйства и крупной промышленности, занимающей абсолютно преобладающее положение в экономике страны, с соответственно развитыми путями сообщения, торговлей, денежным обращением и т.д.»¹⁷.

Третьей составной частью (наряду с промышленностью и сельским хозяйством) строительства новодемократического государства, а затем и перехода к построению социализма в стране, Мао Цзэ-дун считал проведение культурной революции. «Народная культура и народное просвещение Китая по своей направленности должны быть новодемократическими. Другими словами, Китай должен создать свою собственную национальную, научную, массовую новую культуру и новую систему просвещения»¹⁸. И одна из первоочередных и важнейших задач – ликвидация неграмотности восьмидесяти процентов населения Китая. В этом вопросе образцом для подражания был Советский Союз. «Новая культура, созданная в СССР, – писал Мао Цзэ-дун, – должна послужить для нас образцом в деле строительства народной культуры»¹⁹. От себя добавим, и не только в сфере культуры, но и в промышленности, сельском хозяйстве и т.д.

Мао Цзэ-дун был не только вдохновителем и организатором, но и идейным наставником в борьбе китайского народа за национальное освобождение страны от империалистической агрессии, проведения народно-демократической революции, что составляло первый этап реализации в жизни и борьбе китайского народа – «философии практической деятельности Мао Цзэ-дуна». Второй этап «философии практической деятельности Мао Цзэ-дуна» связан с построением социализма в Китае в период с 1949 по 1957 год.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. – М., 2003. – С. 20.

² Не исключено, что работа Мао Цзэ-дуна «Из искры может разгореться пожар» была написана под впечатлением работы К. Маркса «Революция в Китае и в Европе», где К. Маркс допускает возможность, что «...китайская революция бросит искру в готовую взорваться мину современной промышленной системы...» (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 9. – С. 103.) Под китайской революцией К. Маркс имел ввиду «опиумную» войну между Китаем и Англией (1839 – 1842). «Опиумная» война являлась новой вехой в истории Китая, положив начало национально-освободительной войне. По своему характеру революционной войны, направленной как против империалистической агрессии, так и против остатков феодализма в стране. После «опиумной» войны Китай постепенно превратился в страну полуколониальную и полуфеодальную.

³ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. – М., 2003. – С. 24.

⁴ Там же. – С. 25.

⁵ В этот период Мао Цзэ-дун непосредственно занимался организацией борьбы китайского народа по освобождению страны от японских захватчиков. Он был

председателем Центрального военного комитета при ЦК КПК и командующим полевыми армиями НОАК.

⁶ Мао Цзэ-дун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая // Избранные произведения. – Т. 3. – М., 1953. – С. 153.

⁷ Мао Цзэ-дун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая // Избранные произведения. – Т. 3. – М., 1953. – С. 155. (См.: И.В. Сталин «О перспективах революции в Китае» Соч. – Т. 8. – С. 363.)

⁸ Там же. – С. 158.

⁹ Там же. – С. 177.

¹⁰ Там же. – С. 174

¹¹ Там же. – С. 178

¹² См.: Мао Цзэ-дун. О новой демократии (январь 1940 года) 5. Политический строй новой демократии. 6. Экономика новой демократии. 11. Культура новой демократии. // Избранные произведения. – Т.3. – М., 1953.

¹³ Мао Цзэ-дун. «О коалиционном правительстве» (24 апреля 1945 года) // Избранные произведения. – Т.4. – М., 1953. – С. 509.

¹⁴ Там же. – С. 502.

¹⁵ Там же. – С. 540.

¹⁶ Установка на создание сельскохозяйственных производственных кооперативов на добровольных началах напоминает нам Ленинский кооперативный план, где «... предприятия кооперативные, – писал В.И. Ленин, – отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.е. рабочему классу». (См.: Ленин В.И. О кооперации. Полн.собр.соч. – Т.45. – С. 375.)

¹⁷ Мао Цзэ-дун. «О коалиционном правительстве» (24 апреля 1945 года) // Избранные произведения. – Т.4. – М., 1953. – С. 545-546.

¹⁸ Там же. – С. 549.

¹⁹ Там же.

III

Китай накануне победы народно-демократической революции в стране и образования Китайской Народной Республики

Вопрос о построении социализма в Китае – стране не прошедшей капиталистической стадии развития – стоял перед руководством Коммунистической партии Китая так же, как в свое время, он стоял перед руководством Коммунистической партии Советского Союза. Россия, как мы знаем, в предреволюционный период являлась, с одной стороны, страной, где развивались капиталистические производственные отношения, а с другой – это была отсталая, мелкокрестьянская, безграмотная, доведенная до нищеты страна. Характеризуя дореволюционную Россию, В. И. Ленин писал, что она «остаётся невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой...»¹. Если к этому добавить, что первые три года после Октябрьской революции были годами открытой и жестокой гражданской войны и интервенции, то можно себе представить в каких невероятно тяжелых условиях необходимо было строить социализм в Советском Союзе.

В таких же невероятно тяжелых условиях необходимо было строить и социализм в Китайской Народной Республике, с той лишь разницей, что, если Советская Россия оказалась один на один с силами мирового империализма, то Китай имел возможность использовать опыт и поддержку в строительстве социализма со стороны мировой системы социализма, и, прежде всего, Советского Союза.

Отличительной особенностью социалистической революции и построения социализма в Китае было то, что здесь *социальная революция* представляла собой переход от полуколониального и полуфеодального общественного строя к социалистическому². Особенностью китайской социалистической революции было и то, что ее политическая стадия, то есть завоевание политической власти, осуществлялось как на этапе народно-демократической революции, так и социалистической, под руководством Коммунистической партии Китая. Еще раз подчеркнем, *социальная революция* не сводится к завоеванию только политической власти. Завоевание политической власти было осуществлено КПК как в ходе перерастания народно-демократической революции в социалистическую, так и с коренным переворотом в социально-экономическом базисе общества. Переходный период от полуколониального и полуфеодального общества к социалистическому осуществлялся в Китае минуя капиталистическую стадию развития, а, следовательно, и буржуазно-демократический этап развития страны. Это по сути дела и есть продолжение *социальной революции* в Китае под руководством КПК³.

Прежде чем ответить на вопрос, что же представлял собой Китай как полуколониальная, полуфеодальная страна накануне победы народно-демократической революции и образования КНР, следует отметить, что китайское общество «после событий 18 сентября 1931 года, – как писал Мао Цзэ-дун, – когда японский империализм совершил вооруженное вторжение в Китай, китайское общество претерпело новые изменения, превратившись в общество *колониальное* (курсив наш – Е.Г.), полуколониальное и

полуфеодальное»⁴. К этому следует добавить, что японский империализм в июне 1937 года развернул против Китая новое наступление с целью порабощения всей страны.

Империалистические державы «неоднократно, – писал Мао Цзэ-дун, – вели против Китая агрессивные войны, какими были, например, затеянная Англией опиумная война 1840 года, война 1857 года, которую вели объединенные войска Англии и Франции, китайско-французская война 1884 года, китайско-японская война 1894 года, война, которую вели объединенные силы восьми держав в 1900 году»⁵. Цель была их одна – превращение Китая в свою полуколонию и колонию. Поэтому, отмечает Мао Цзэ-дун, «...империалистические державы открыли в Китае много предприятий легкой и тяжелой промышленности, чтобы использовать на месте китайское сырье и дешевую рабочую силу и тем самым оказывать непосредственное экономическое давление на китайскую национальную промышленность и непосредственно тормозить развитие производительных сил Китая»⁶. В отношении сельскохозяйственного производства цель состоит в том, чтобы подчинить своим нуждам, превратить его в поставщика сырья для промышленного производства, опираясь при этом на класс феодалов-помещиков. Не гнушались империалистические державы, по терминологии Мао Цзэ-дуна, и «духовным одурманиваем китайского народа». «Итак, – заключает Мао Цзэ-дун, – мы видим, что вторжение империалистических держав в Китай, с одной стороны, способствовало распаду китайского феодального общества, способствовало развитию в Китае *элементов капитализма* (курсив наш – Е.Г.) и привело к превращению феодального общества в полуфеодальное. С другой же стороны, установив в Китае свое жестокое господство, империалистические державы превратили независимый Китай в страну полуколониальную и колониальную»⁷.

Нами подчеркнута то, что вторжение империалистических держав в Китай не способствовало развитию национального капитализма, превращения его в основной экономической уклад страны. Это наложило определенный отпечаток на развитие народного хозяйства в стране при переходе от полуколониального и полуфеодального общества к обществу социалистическому. Мао Цзэ-дун, учитывая полуколониальный, полуфеодальный, а на определенном этапе и колониальный характер развития китайского общества, за долго до образования КНР формулирует основные принципы экономической политики Коммунистической партии Китая. В докладе на II Всекитайском съезде рабочих и крестьянских депутатов, состоявшемся в январе 1934 года в г. Жуйцзине провинции Цзянси, он говорил: «Принципы нашей экономической политики таковы: делать все возможное и необходимое в области хозяйственного строительства; мобилизовать экономические ресурсы для снабжения фронта и одновременно для максимально возможного улучшения условий жизни народных масс; укреплять экономическую смычку между рабочими и крестьянами; обеспечивать руководство крестьянством со стороны пролетариата; добиваться завоевания государственным сектором народного хозяйства руководящего положения по отношению к частному сектору и создавать предпосылки для перехода в будущем к социализму»⁸. Речь идет об экономической политике КПК и развитии народного хозяйства в так

называемых «красных районах» Китая, освобожденных от японских агрессоров и войск гоминьдана.

Примечательно то, что из трех секторов в то время народного хозяйства Мао Цзэ-дун выделяет государственный и кооперативный, которые «... постепенно приобретут перевес над частным хозяйством и начнут играть по отношению к нему руководящую роль»⁹. Для этого, как справедливо считает он, необходимо «... более или менее точное планирование... для некоторых важнейших отраслей производства и прежде всего для тех отраслей, которые находятся во владении государства или кооперации»¹⁰. Заканчивает свой доклад Мао Цзэ-дун словами: «Совершенно ясно, что только наша победа над империализмом и гоминьданом, только наша плановая и организованная работа по хозяйственному строительству могут спасти весь наш народ от небывалых бедствий»¹¹.

Точку зрения Мао Цзэ-дуна на развитие народного хозяйства Китая разделяло большинство в руководстве КПК. Так например, в тезисах «Новодемократическое экономическое строительство», датированные 21 июня 1948 года, как видим накануне образования КНР, Чжоу Эньлай признавал необходимость сосуществования в Китае трех секторов экономики – государственного, частного и кооперативного. Он также высказывался в пользу государственной плановой экономики¹².

Врядли необходимо доказывать в каких невероятно тяжелых условиях необходимо было строить социализм в КНР, если иметь еще ввиду, что в деревне проживало 90 процентов населения страны, а в городе более половины населения составляли чернорабочие (кули), тогда как на долю промышленных рабочих приходилось менее 20 процентов общей численности рабочих¹³. В этих условиях проведение индустриализации страны, решение аграрной проблемы (коллективизации сельского хозяйства) и осуществление культурной революции, выдвигались как коренные задачи, необходимые предпосылки социалистического переустройства китайского общества.

«В 1949 г., когда освободительная война китайского народа была победоносно завершена по всей стране, мы, – писал Бо И-бо, – оказались перед лицом совершенно разрушенного народного хозяйства, что являлось результатом опустошений, произведенных японским империализмом и тираническим господством гоминьдана, а также результатом грабежей со стороны американских империалистов. Деревня была разорена, фабрики и шахты закрывались, в стране хозяйничали спекулянты, а рынок находился в полном хаосе. Народ был низведен к жалкому существованию»¹⁴. Накануне 1949 года в Китае на долю современных предприятий приходилось немногим более половины выпускавшейся промышленной продукции. При этом продукция всей промышленности вместе с кустарным производством не достигала 1/3 совокупной промышленности и сельского хозяйства. Основу экономики страны составляло мелкое производство, базирующееся на ручном труде. «По сравнению с наивысшим зарегистрированным ранее уровнем промышленного производства состояние промышленности в 1949 г. характеризовалось следующими данными: добыча угля сократилась вдвое, производство чугуна и стали упало более чем на 80 %, а продукция текстильной промышленности снизилась более чем на 25 %. В целом промышленная

продукция сократилась на 50 %»¹⁵. Перед партией и народом стояла задача – восстановить промышленное производство, развить государственную промышленность и тем самым обеспечить не только развитие промышленного, но и сельскохозяйственного производства.

О состоянии сельскохозяйственного производства красноречиво говорят цифры, которые приводит в своей статье «Подъем сельского хозяйства в Китае» Ли Фу-чунь. В ней говорится: «К 1949 г. поголовье рабочего скота сократилось на 16 %, а количество сельскохозяйственных орудий на 30 %... Сельскохозяйственное производство до освобождения с каждым годом падало все ниже и ниже и к 1949 году сократилось по зерновым культурам до 74, 6% довоенного уровня, а по хлопку – до 52 % »¹⁶. Перед коммунистической партией Китая насущной задачей являлось проведение аграрной реформы по своему характеру революционной, антифеодальной, начатой еще в 1948 году в освобожденных районах и завершившаяся к весне 1953 года, при поддержке многомиллионных масс крестьянства.

Не менее важной задачей было и проведение революции в сфере образования и в развитии культуры. В Китае многомиллионные массы чернорабочих города, беднейшие слои крестьян были или малообразованными, или вообще неграмотными. Поэтому одной из центральных задач при проведении культурной революции стояла задача ликвидации неграмотности в стране.

Таковы были исходные данные в уровне развития промышленности, сельского хозяйства, в сфере образования и культуры в стране, вступившей на путь строительства социализма, где необходимо было решить триединую задачу: индустриализация страны, кооперирование сельскохозяйственного производства и проведения культурной революции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Как увеличить размеры душевого потребления в России?

// Полн.собр.соч. – Т. 23.– С. 360.

² По содержанию – революции социальные бывают двух типов: в широком смысле слова – это качественный скачок от «архаической общественной формации» к «экономической общественной формации», по терминологии К. Маркса «от первичной формации к формации вторичной». Под социальной революцией такого же типа надо будет понимать и революцию коммунистическую, то есть переход от «экономической общественной формации» к «коммунистической общественной формации». В узком значении слова социальная революция – это переход от одного общественного строя к другому, от одной «общественной формации» к другой: от «архаической общественной формации» к рабовладельческой общественной формации, а от нее к феодальной, а затем – капиталистической, и от капиталистической к коммунистической, через ее низшую фазу – социалистическую стадию развития общества.

³ 1949 год – год не только образования Китайской Народной Республики, но и разгрома буржуазно-демократического правительства гоминьдана. Разгром

гоминьдана и образование КНР означало собой завершение этапа народно-демократической революции, по своему характеру буржуазно-демократической, и перерастание ее в социалистическую революцию, то есть к построению в стране социалистического общества.

⁴ Мао Цзэ-дун. Китайская революция и Коммунистическая партия Китая (декабрь 1939 года). Глава 1. Китайское общество // Избранные произведения. – Т.3.– М., 1953. – С. 142.

⁵ Там же. – С. 145.

⁶ Там же. – С. 146.

⁷ Там же. – С. 148.

⁸ Мао Цзэ-дун. Наша экономическая политика (23 января 1934 года). // Избранные произведения. – Т.1.– М. 1952. – С. 237 – 238.

⁹ Там же. – С. 243.

¹⁰ Там же. – С. 242.

¹¹ Там же. – С. 244 – 245.

¹² См.: Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1898 – 1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. – М., 1996. – С. 471.

¹³ См.: Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. М., 2003. – С. 50.

¹⁴ Бо И-бо. Великие достижения Китайской Народной Республики // Экономические успехи Китайской народной республики за 1949 – 1953 гг. – М., 1954. – С. 146.

¹⁵ Ли Фу-чунь. Восстановление и развитие промышленности // Там же. – С. 164.

¹⁶ Ли Шу-чэн. Подъем сельского хозяйства Китая // Там же. – С. 175.

IV

Восстановление и развитие народного хозяйства Китайской Народной Республики под руководством Мао Цзэ-дуна (1949 – 1952.)

1 октября 1949 года на многочисленном митинге в Пекине была провозглашена декларация Центрального народного правительства о создании Китайской Народной Республики. После образования КНР китайский народ приступил к восстановлению народного хозяйства страны. Эти задачи в основном были решены в 1949 – 1952 гг.

Обстановка в стране была крайне напряженной, так как восстановление народного хозяйства страны проходило в ожесточенной классовой борьбе. После завершения регулярных военных действий центр тяжести переместился на подавление контрреволюционной деятельности внутри страны. Выступая с докладом на третьем пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 6 июня 1950 г. Мао Цзэ-дун подчеркнул, что «... нам предстоит еще ликвидировать более 400 тыс. бандитов, рассеянных по захолустьям»¹. К этому следует добавить, что не только в захолустьях освобожденных районов, но и в городах было создано гоминьдановское подполье, с которым велась борьба на протяжении 1951 – 1952 гг.

К этому времени, как было сказано выше, в экономическом отношении Китай был отсталой страной, с многоукладной экономикой. В стране сложилось не три, как было сказано ранее, а пять секторов в экономике страны: государственный, кооперативный, мелкотоварный, частнокапиталистический и государственно-капиталистический. В деревне сохранились еще пережитки феодальных и даже дофеодальных отношений. Страна не имела материальных ресурсов, а финансовая система была разрушена. Необходимо было добиться, как это подчеркивал в своем докладе Мао Цзэ-дун, коренного перелома в финансовом и экономическом положении страны². «Для того чтобы добиться коренного перелома, – говорил он, – необходимы три условия, а именно: 1) завершение аграрных преобразований; 2) упорядочение положения в промышленности и торговле; 3) резкое сокращение расходов на содержание государственного аппарата»³. К этому, на наш взгляд, необходимо добавить и указание Мао Цзэ-дуна на то, что «... следует постепенно ликвидировать в экономике страны бесплановость и анархию, навести должный порядок в промышленности и торговле, принять действенные меры по урегулированию отношений между общественными и частными предприятиями, а также между трудом и капиталом, добиться того, чтобы все секторы общественной экономики могли под руководством государственного сектора – социалистического по своему характеру – сотрудничать между собой, выполняя каждый свою работу, занять подходящее им место и способствовать восстановлению и развитию всей общественной экономики в целом»⁴. В сфере сельскохозяйственного производства также «планомерно и организованно осуществить работу по аграрным преобразованиям в деревне»⁵. В области культуры и образования Мао Цзэ-дун предлагал: «Планомерно и осторожно провести работу по перестройке старой системы образования и старой системы общественно-культурных учреждений, привлечь всю патриотически настроенную интеллигенцию на службу народу»⁶.

Таким образом, III пленум ЦК КПК, как это видно из доклада Мао Цзэ-дуна и принятых решений, наряду с рядом конкретных задач, – главными определил: развитие легкой и тяжелой промышленности, укрепление государственного сектора в ней; упразднение феодальной и полуфеодальной системы земледелия, развитие кооперативного сельскохозяйственного производства; проведение культурной революции на основе создания новой системы в сфере образования и в системе общественно-культурных учреждений.

Остановимся несколько подробнее на вопросах, связанных с восстановлением промышленности, сельскохозяйственного производства, поднятия общеобразовательного и культурного уровня народа. Вопросы восстановления и развития китайской промышленности нашли отражение в работах видных китайских руководителей, опубликованных в китайской печати в 1950 – 1953 гг.⁷ Особое внимание в них уделялось развитию государственного сектора экономики. Усилия партии были направлены также и на то, чтобы завершить создание государственного сектора и завоевать ему руководящее положение в хозяйственной жизни страны, подчинив его контролю и регулирующему воздействию все остальные экономические уклады, особенно частнокапиталистический и мелкотоварный. В восстановительный период еще допускалось существование частных предприятий, но роль государственных предприятий неуклонно росла. Так Бо И-бо в своей статье «Великие достижения Китайской Народной Республики» приводит следующие данные: «Если в 1949 г. общее производство промышленных товаров частными предприятиями составляло 56,2 %, а государственными – только 43,8 %, то в 1952 г. доля государственных предприятий в производстве промышленных товаров возросла до 67,3 %, в то время как доля частных предприятий составляет только 32,7 %»⁸. Ввиду того, что в то время промышленность Китая во всем народном хозяйстве занимала небольшой удельный вес, развитие частных предприятий в определенной степени было необходимым. Это не касалось лишь предприятий компрадорской буржуазии. В первые месяцы восстановительного периода все предприятия компрадорской буржуазии, то есть той части национальной буржуазии, которая осуществляла посреднические операции между иностранными компаниями и китайским рынком, перешли в государственный сектор экономики.

Перед партией и правительством стоял вопрос об урегулировании отношений между государственным сектором в экономике и частным. «... В урегулировании отношений между общественными и частными предприятиями, – считал Лю Шао-ци, – исключительно важную роль может сыграть централизация и распределение заказов государственных учреждений и предприятий на переработку сырья и производство товаров»⁹. И действительно, большую роль в этом отношении сыграло внедрение первичных форм госкапитализма (государственных заказов частным предприятиям на переработку сырья и производство готовой продукции, централизованных закупок по твердым ценам и централизованного сбыта продукции капиталистической промышленности). В социальном плане следует отметить, что «рабочие и предприниматели, – как об этом писал Ли Фу-чунь, – на частных предприятиях устанавливают новые отношения, основанные на

принципе «взаимной выгоды как для рабочих, так и для предпринимателей», проводят систему консультативных совещаний рабочих и предпринимателей на основе равноправия. Такое производственное сотрудничество, – заключает Ли Фу-чунь, – способствует трудовому подъему рабочих, которые помогают таким образом владельцам частных предприятий в деле всестороннего развития производства»¹⁰.

Трудовым законодательством Китайской Народной Республики предусматривались не только основные принципы организации на государственных предприятиях, но и урегулирование взаимоотношений между трудом и капиталом на частнокапиталистических предприятиях. Это способствовало развитию рабочего контроля на этих предприятиях, пониманию рабочими их места и роли в восстановлении и развитии промышленности. Естественно, доля продукции частнокапиталистического сектора экономики была ниже чем в государственном и даже в государственно-капиталистическом и кооперативном. «Так, если в 1949 г. доля продукции частнокапиталистического сектора составляла 62,7 %, то в 1952 г. она упала до 42 %»¹¹. Благодаря, прежде всего, увеличению доли продукции государственного, государственно-капиталистического и кооперативного секторов, «... за три года восстановительного периода объем производства в стране вырос почти на 78 %, в том числе валовое производство промышленной продукции увеличилось в 2,5 раза»¹².

О великих достижениях китайского народа в восстановлении и развитии промышленности, как уже мы отмечали, достаточно убедительно писали в своих статьях Бо И-бо, Ли Фу-чунь, Сюэ Му-цяо, Цзя То-фу и другие руководители партии и китайского правительства. «...Государственные предприятия за истекшие три года, – писал в своей статье Сюэ Му-цяо, – увеличили выпуск продукции более чем в три раза, заняв ведущее положение в главных отраслях промышленности»¹³. Он отмечал, что государству принадлежало свыше 60 % промышленности, в том числе около 80 % тяжелой промышленности и около 50 % некоторых основных отраслей легкой промышленности. О чем это говорит? Только о том, что партией и правительством был взят курс на решение задачи – индустриализации страны, понимая при этом, что для преобразования Китая из отсталой сельскохозяйственной страны в передовую индустриальную страну необходимы будут серьезные усилия всего китайского народа в течение продолжительного времени. Ли Фу-чунь, подводя итоги восстановления промышленного производства в стране, отмечает, что продукция промышленности за истекшие три года превысила наивысший уровень, достигнутый до освобождения, и приводит таблицу, где показывает рост продукции главных отраслей промышленности страны за три последних года (наибольший уровень производства до освобождения взят за 100). Так, например, если объем производства стали в 1949 г. составил – 16, то по плану в 1952 г. – 155; соответственно, проката в 1949 г. – 18, а в 1952 г. – 167; чугуна – 11 в 1949 г., а в 1952 г. – 104 и т.д. Так обстояло с производством в металлургической промышленности и других отраслях экономики¹⁴. Приведенные примеры, а их можно было бы и продолжить, говорят о том, что достижения на всех участках промышленного производства в течение

последних трех лет показывают, что этап восстановления промышленности в стране уже окончился и предстоит переход к широкому хозяйственному строительству, но для этого необходимо одновременно вести работу и по завершению восстановления сельскохозяйственного производства, и поднятия общеобразовательного и культурного уровня широких народных масс.

III пленум ЦК КПК (6 – 9 июня 1950 г.), наряду с развитием легкой и тяжелой промышленности, финансовой системы, первоочередной задачей считал завершение аграрных преобразований путем проведения аграрной реформы. На III пленум ЦК КПК стоял вопрос о рассмотрении проекта закона об аграрной реформе. После обсуждения III пленумом ЦК КПК проекта закона о земельной реформе он был одобрен Всекитайским комитетом Народной политической консультативной конференцией, утвержден Центральным народным правительственным советом и 30 июня 1950 г. вступил в силу.

Статья 1 Закона о земельной реформе гласила: «Помещичья собственность на землю, основанная на феодальной эксплуатации, отменяется и устанавливается крестьянская собственность на землю, чтобы освободить производительные силы в сельском хозяйстве, развивать сельскохозяйственное производство и проложить путь к индустриализации нового Китая»¹⁵. В соответствии с принятым законом, земля, принадлежащая помещикам и монастырям, конфисковывалась. Конфискованные и реквизируемые земли, а также рабочий скот, инвентарь, дома и другое имущество передавались в частную собственность безземельным и малоземельным крестьянам. Право на получение земли наравне с крестьянами предоставлялось и помещикам. Больше всего выиграли от аграрных преобразований бедняки и батраки. Класс помещиков был ликвидирован, а кулачество ослаблено политически и экономически.

Итак, первоочередной задачей стоящей перед партией и китайским народом было превращение помещичьей собственности в собственность крестьян. «К августу 1952 г., – писал Бо И-бо, – около 300 млн. сельскохозяйственного населения, которое в прошлом владело жалкими клочками земли или не имело ее вовсе, получило в общем 47 млн. га обрабатываемой земли, ранее принадлежавшей помещикам»¹⁶. В результате крестьяне стали хозяевами полученной земли и из рабов превратились в совладельцев. В борьбе за реализацию на практике закона о земельной реформе необходимо было мобилизовать широкие крестьянские массы. Коммунистическая партия Китая в этом вопросе опиралась на бедняков и батраков, на союз с середняком, при нейтрализации богатых крестьян с целью последовательной и постепенной ликвидации системы феодальных отношений. В стране объективно складывался единый фронт, состоящий из бедняков, батраков и середняков. Крестьяне бедняки и батраки составляли в стране 70 % сельского населения, а середняки – 20 %.

Закон об аграрной реформе не ликвидировал кулачество как класс (как это было в Советском Союзе), а сохранил за ними землю и имущество.

Статья 6 Закона гласила: «Земли, которые кулаки обрабатывают сами или при помощи наемной силы, и прочее их имущество должны сохраняться в неприкосновенности»¹⁷. По отношению к кулачеству были внесены

изменения. От политики реквизиции земельных и имущественных излишков перешли к политике сохранения кулацких хозяйств. Этот шаг, по утверждению Мао Цзэ-дуна, был предпринят для того, «... чтобы ускорить восстановление сельскохозяйственного производства и наряду с этим облегчить изоляцию помещиков и оградить интересы середняка и лиц, сдающих в аренду мелкие земельные участки»¹⁸. Помещики же в соответствии со статьей 10 Закона об аграрной реформе получили право на землю по тем же нормам, что и крестьяне. Кроме того, промышленные и торговые предприятия, принадлежащие помещикам, а также земля и имущество, необходимые для ведения этих предприятий, не подлежали конфискации. Согласно данному закону наказание накладывалось только на тех помещиков, которые нарушали закон, сопротивлялись проведению аграрной реформы, саботировали ее. Благодаря такой политике помещики были расколоты, а их сопротивление аграрной реформе ослаблено.

Важнейшим фактором успешного осуществления аграрной реформы было проведение КПК и китайским правительством курса на кооперирование сельскохозяйственного производства. «В статье «Относительно кооперативов» председатель Мао Цзэ-дун, – писал Чэн Цзы-хуа, – указывает, что «главная цель кооперативов – служить массам, т.е. кооперативы всегда должны думать о массах, разрабатывать планы для масс и ставить интересы масс выше всего остального... В этом заключается коренное различие между нами и гоминьданом. Это также является отправным пунктом и конечной целью коммунистической революции»¹⁹.

В июне 1950 года состоялось Всекитайское совещание кооперативных работников, где были определены основные задачи и принципы работы кооператоров. Речь в данном случае шла о трех основных категориях кооперативов: сельские потребительско-сбытовые кооперативы, городские потребительские кооперативы и промысловые кооперативы. Ими, по утверждению Чэн Цзы-хуа, было охвачено 106 млн. человек. Кооперативный сектор играл важную роль в развитии народного хозяйства вообще, сельскохозяйственного производства в частности. Сельские потребительско-сбытовые кооперативы, покупая у крестьян сельскохозяйственные продукты и продукты подсобного промысла, снабжали крестьян необходимыми промышленными товарами. Это еще не кооперативы, связанные непосредственно с сельскохозяйственным производством²⁰.

В Китае, при содействии партии и правительства, развернулось широкое движение крестьян, получивших в собственность землю, за ее коллективную обработку. «В настоящее время, – как об этом писал Ли Шу-чэн, – около 40 % всех крестьянских хозяйств страны участвует в различного рода бригадах взаимопомощи. Кроме того, создано свыше 4 тыс. сельскохозяйственных производственных кооперативов и имеется уже более 10 колхозов... Для пропаганды среди крестьян методов и преимуществ крупного механизированного сельскохозяйственного производства в различных местностях за последние три года создано 52 госхоза»²¹.

В результате претворения в жизнь аграрной реформы за три года восстановительного периода достигнуты выдающиеся успехи. «Если взять уровень производства зерновых культур в 1949 г. за 100, – писал Ли Шу-чэн, –

то в 1950 г. он уже составлял 117, в 1951 г. – 128, а в текущем году достигнет 140. Соответственно производство хлопка в 1950 г. увеличилось до 159 %, а в 1951 г. – до 252, а в текущем году увеличиться до 300 %... Больших успехов, – отмечал он, – наша страна добилась за это время в области животноводства. Наблюдается общий рост поголовья скота; поголовье крупного рогатого скота увеличилось по сравнению с довоенным уровнем на 26 %, поголовье овец – на 42 %»²². О чем все это говорит? Только о том, что аграрная реформа, давшая крестьянам землю, являлась важным фактором, способствовавшим быстрому восстановлению сельскохозяйственного производства, а затем и широкого его развития.

Подъем промышленного и сельскохозяйственного производства был бы невозможен без проведения работы, как уже отмечалось, по перестройке системы образования и общественно-культурных учреждений. Народная власть уделяла большое внимание делу ликвидации неграмотности, повышению их культурного уровня. Если до революции огромное большинство крестьян не могло обучать своих детей грамоте, то по данным Бо И-бо «в 1952 г. число студентов вузов по сравнению с высшей цифрой при гоминьдановском режиме составляет 169 % (219 тыс.), число учащихся в средних школах – 163,9 (3 070 тыс.) и в начальных школах – 207 % (49 млн.). Большой прогресс, – отмечает он, – достигнут также в области печати и издательского дела, в деле развития кино, радиовещания и в других областях культурно-массовой деятельности»²³. Все это говорит о том, что страна вступила в этап проведения культурной революции крайне необходимой для реализации планов индустриализации страны, кооперирования сельского хозяйства, перевода его на индустриальную основу.

Достижения на всех участках в промышленности, в сельском хозяйстве, в сфере образования и культуры говорит о том, что этап восстановления в стране всех сфер народного хозяйства завершен и наступил этап широкого планового хозяйственного строительства. КНР приступила к выполнению первого пятилетнего плана – плана построения фундамента социалистической экономики страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мао Цзэ-дун. Добиться коренного перелома в финансовом и экономическом положении страны. (Доклад на третьем пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 6 июня 1950 г.) // Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949 – 1953 гг. Перевод с китайского. – М., 1954. – С. 16.

² Достаточно подробный анализ финансового и экономического положения в стране дает заместитель премьера Чжоу Эньлая Чень Юнь в работах: «Финансовое и экономическое положение Китайской Народной Республики за истекший год», «О хозяйственной и финансовой работе» // См.: Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949 – 1953 гг. Перевод с китайского. – М., 1954.

³ Мао Цзэ-дун. Добиться коренного перелома в финансовом и экономическом положении страны. (Доклад на третьем пленуме Центрального Комитета

Коммунистической партии Китая 6 июня 1950 г.) // Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949 – 1953 гг. Перевод с китайского. – М., 1954. – С. 16 – 17.

⁴ Там же. – С. 17 – 18.

⁵ Там же. – С. 17.

⁶ Там же. – С. 18.

⁷ См.: Чень Юнь. «О хозяйственном положении страны, об упорядочении промышленности и торговли и об упорядочении налогообложения»; Ли Фу-чунь «Положение Китайской промышленности и направление нашей работы», «Восстановление и развитие промышленности»; Цзя То-фу «Промышленное производство Китая в 1953 г.», опубликованные в книге «Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949 – 1953 гг. Перевод с китайского». – М., 1954.

⁸ Бо И-бо. Великие достижения Китайской Народной Республики // Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949 – 1953 гг. Перевод с китайского. – М., 1954. – С. 149.

⁹ Лю Шао-ци. Речь на торжественном собрании руководящих работников Пекина, посвященная празднику 1 мая. // Там же. – С. 133.

¹⁰ Ли Фу-чунь. Восстановление и развитие промышленности // Там же. – С. 168.

¹¹ Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949 – 1953 гг. Перевод с китайского. Предисловие. – М., 1954. – С. 7.

¹² См.: Китай сегодня. – М. 1969. – С. 11.

¹³ Сюэ Му-цяо. Успехи экономического строительства в новом Китае // Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949 – 1953 гг. Перевод с китайского. – М., 1954. – С. 246.

¹⁴ См.: Ли Фу-чунь. Восстановление и развитие промышленности // Там же. – С. 168.

¹⁵ Законодательные акты Китайской Народной Республики // Цит.: Новейшая история Китая 1917 – 1970 гг. – М., 1972. – С. 251 – 252.

¹⁶ Бо И-бо. Великие достижения Китайской Народной Республики // Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949 – 1953 гг. Перевод с китайского. – М., 1954. – С. 143.

¹⁷ Ляо Лу-янь. Великая победа аграрной реформы // Там же. – С. 156.

¹⁸ Мао Цзэ-дун. Добиться коренного перелома в финансовом и экономическом положении страны. (Доклад на третьем пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 6 июня 1950 г.) // Там же. – С. 17.

¹⁹ Чэн Цзы-хуа. Достижение кооперации в новом Китае. // Там же. – С. 221 – 222.

²⁰ Кооперация, связанная с сельскохозяйственным производством, – это форма (вид) общественно полезной деятельности, основанной на кооперативной собственности // См.: Герасимов Е.Н. Кооперация и перестройка. Кооперация: к вопросу о понятии. – К, 1989. – С. 4.

²¹ Ли Шу-чэн. Подъем сельского хозяйства Китая // Экономические успехи Китайской Народной Республики за 1949 – 1953 гг. Перевод с китайского. – М., 1954. – С. 177.

²² Там же. – С. 176.

²³ Бо И-бо. Великие достижения Китайской Народной Республики // Там же. – С. 152.

*Строительство социализма – генеральная линия
Коммунистической партии Китая*

Китайский народ в 1949 – 1952 гг., как об этом сказано нами выше, осуществил программу социально-экономических преобразований, восстановил разрушенную войной экономику и приступил к осуществлению социалистических задач китайской революции. По предложению Мао Цзэ-дуна ЦК КПК сформулировал генеральную линию партии в переходной период, рассчитанную приблизительно на три пятилетки (начиная с 1953 г. и заканчивая в 1967 г.).

Первоначально генеральная линия партии была выдвинута в конце восстановительного периода в стране в 1952 году. В дальнейшем последовало ее уточнение и доработка. Так, в декабре 1953 года ЦК КПК был принят документ «Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство», в котором были определены цели партии и методы их достижения. Генеральная линия партии всесторонне обсуждалась на собраниях народных представителей в 1954 и в 1955 годах, а также на VIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая в 1956 году. VIII съезд КПК подтвердил правильность генеральной линии сформулированной в 1952 году и определил основные вопросы экономической политики партии¹.

Сущность генеральной линии достаточно аргументировано изложена в докладе товарища Лю Шао-ци на VIII съезде КПК. «Исходя из конкретной обстановки в нашей стране, – говорил Лю Шао-ци, – Центральный Комитет так определил генеральную линию нашей партии в переходный период: в течение довольно длительного периода времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны и постепенно провести социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли»².

Рассматривая индустриализацию страны как главное средство превращения Китая в передовую индустриально-аграрную державу, КПК, определив курс на мобилизацию внутренних ресурсов, вместе с тем признала необходимым максимально использовать благоприятные условия, созданные существованием мировой системы социализма, и взяла курс на развитие сотрудничества с СССР, со всеми социалистическими странами. В этой связи во вступительной речи на VIII съезде партии Мао Цзэ-дун подчеркнул, что нам «... надо уметь учиться у идущего впереди Советского Союза, надо уметь учиться у стран народной демократии, надо уметь учиться у всех братских партий, надо уметь учиться у народов всех стран»³. И надо отдать должное Мао Цзэ-дуну, который начиная с 1953 года стал обращать внимание на изучение экономической теории, а также опыта экономического строительства в СССР и в странах социалистического лагеря. Он призывал и партийные кадры, особенно высшего звена, изучать проблемы экономики и техники, быть настоящими специалистами и достойными партийными работниками.

Первый пятилетний план (1953 – 1957 гг.) являлся важным, если так можно выразиться, инструментом реализации на практике выработанной КПК

генеральной линии строительства социализма в стране. На второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей с докладом «О первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Китайской Народной Республики» выступил заместитель премьера Государственного совета, председатель Государственного планового комитета КНР Ли Фу-чунь. В своем докладе Ли Фу-чунь отметил: «Образование Китайской Народной Республики означало, что первый этап китайской революции в основном завершен и что начался ее второй этап. Задача второго этапа китайской революции заключается в построении в Китае социалистического общества»⁴.

Как нам всем хорошо известно, построение социалистического общества обусловлено проведением в стране индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции. Именно об этом говорится как в докладе Ли Фу-чуня на второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей, так и в докладе Лю Шао-ци на VIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая⁵. Создание материально-технической базы социализма предполагает: развитие как тяжелой, так и легкой промышленности; обобществление орудий и средств производства; кооперирование сельскохозяйственного производства; подготовку и переподготовку кадров на основе повышения общеобразовательного и культурного уровня трудящихся. Остановимся кратко на этих вопросах, нашедших отражение в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Китайской Народной Республики (1953 – 1957 гг.)⁶.

Как в решениях второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей, так и в решениях VIII съезда КПК говорилось, что Китаю для построения социализма необходимо осуществить социалистическую индустриализацию и развивать прежде всего тяжелую промышленность. «Социалистическая индустриализация страны, – отмечал в своем докладе Ли Фу-чунь, – является центральной задачей нашего государства в переходный период, а центральным звеном социалистической индустриализации является преимущественное развитие тяжелой промышленности. Лишь создав мощную тяжелую промышленность, т.е. современную черную металлургию, машиностроительную, электроэнергетическую, топливную промышленность, цветную металлургию, основные отрасли химической промышленности и т.д. мы, – говорил он, – сможем производить различное современное промышленное оборудование и обеспечить техническую реконструкцию самой тяжелой, а также легкой промышленности. Только тогда мы сможем снабжать наше сельское хозяйство тракторами и другими современными сельскохозяйственными машинами, обеспечить его достаточным количеством удобрений и этим добиться технической реконструкции сельского хозяйства»⁷.

Ли Фу-чунь говорил и о достаточно высоких масштабах капитального строительства, подчеркивая, что «из капиталовложений в промышленное капитальное строительство 88,8 % приходится на долю строительства промышленности, производящей средства производства, и 11,2 % – на долю строительства промышленности, вырабатывающей предметы потребления...»⁸. Ли Фу-чунь считал, что соотношение капиталовложений в тяжелую и легкую промышленность, исходя из конкретных условий страны, установленное первым пятилетним планом, вполне приемлемо. Соответственно, при

распределении ассигнований на капитальное строительство в первой пятилетке из общей суммы в 76 640 млн. юаней на промышленность было запланировано 31 320 млн. юаней, т.е. 40,9 %, а на сельское, водное и лесное хозяйство – 6 100 млн. юаней, т.е. 8,0 %, на культуру, просвещение и здравоохранение – 14 270 млн. юаней, т.е. 18,6 %⁹. Если эти соотношения капиталовложений, как считал Ли Фу-чунь «вполне приемлемы» в тех конкретно-исторических условиях, то в целом, на наш взгляд, они недостаточны для реализации в полном объеме закона социализма, а именно, максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей китайского общества. Это, если посмотреть, с одной стороны, а с другой, – только на основе индустриализации страны и, прежде всего, развития тяжелой промышленности, возможно повышение жизненного уровня трудящихся, продвижение по пути достижения тождества между производством и потреблением по мере строительства социализма и перехода к коммунизму¹⁰.

Темпы социалистической индустриализации были в Китае достаточно высокими. В течение пяти лет увеличение выпуска промышленной продукции планировалось в два раза. «В 1957 г. валовая продукция нашей промышленности, – говорил в своем докладе Ли Фу-чунь, – в стоимостном выражении по сравнению с 1952 г. увеличиться на 98,3 %, т.е. ежегодный прирост в среднем составит 14,7 %. При этом продукция современной промышленности увеличиться на 104,1 %, т.е. ее ежегодный прирост в среднем составит 15,3 %. Это, несомненно, сравнительно высокие темпы роста промышленности»¹¹. При этом, со ссылкой на И.В. Сталина, сказанного им на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 года¹², он подчеркнул, что темпы развития промышленности и уровень развития промышленности нельзя смешивать друг с другом. «Что же касается уровня развития промышленности, – говорил он, – то в этом отношении мы в течение некоторого времени будем отставать от ряда капиталистических стран. Поэтому мы должны догнать эти страны»¹³. Следует отметить, что к концу 1955 г. в Китае было сдано в эксплуатацию 253 новых предприятия, давшие более четверти промышленной продукции. Всего же планом капитального строительства в промышленности предусматривалось строительство и реконструкция 694 сверхлимитных объектов, в число которых входило 156 крупных объектов, сооружавшихся с помощью Советского Союза. «Несомненно, – констатировал Ли Фу-чунь, – такие крупные предприятия, проектируемые и оснащенные с помощью Советского Союза, как металлургический комбинат, автомобильный и тракторный заводы, завод тяжелого машиностроения и др., являются крайне необходимыми для индустриализации нашей страны; без таких крупных предприятий, составляющих костяк нашей промышленности, невыполнимо осуществление индустриализации страны»¹⁴. Индустриализации, заметим, социалистической, основанной на государственной (общенародной) собственности. Обобществление орудий и средств производства также было предусмотрено генеральной линией партии.

Формирование нового экономического базиса китайского общества проходило в КНР в направлении дальнейшего развития государственного сектора экономики, созданного на основе конфискации и национализации собственности компрадорской буржуазии; преобразования массы мелких

частных предприятий и национального капитала, через государственный капитализм в социалистический сектор экономики. Государственный капитализм – это, считали китайские товарищи, экономический союз социалистического и капиталистического секторов, непосредственно руководимый социалистическим сектором. Экономика государственного капитализма еще не представляла собой социалистической экономики, но уже не являлась и обычной частнокапиталистической экономикой. Это переходная форма экономики от частнокапиталистической к социалистической, основанной в целом на собственности государственной (общенародной). В данном случае государство опосредованно оперирует имуществом собственника (народа), обеспечивая ведение хозяйства по его поручению и усмотрению. Государство, в соответствии с Конституцией КНР, «постепенно заменяет собственность капиталистов общенародной собственностью». «Это означает, – говорил Ли Фу-чунь в докладе на второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей, – что в переходный период мы должны ликвидировать систему капиталистической эксплуатации, но это будет сделано не сразу, а постепенно, через различные формы госкапитализма»¹⁵.

Содержанием государственного капитализма объективно является то, что он выступает как способ обобществления производства и выражает определенные общественные отношения, в основе которых лежит возрастающая роль государства, связанная с государственной (общенародной) собственностью на орудие и средства производства, с государственным регулированием и контролем капиталистического хозяйства. Иными словами, государственный капитализм представляет собой такой способ преобразования капиталистической экономики в социалистическую, который экономически подготавливает социалистическое обобществление частнокапиталистического производства с точки зрения как производственно-технических, так и социально-экономических условий. Именно так подходит к определению содержания государственного капитализма китайский ученый У Цзян в своей книге «Вопросы преобразования капиталистической промышленности и торговли в КНР». Он писал: «Если говорить о содержании государственного капитализма в условиях государства, руководимого рабочим классом, то он представляет собой сотрудничество или союз между социалистическим и капиталистическим секторами при условии управления со стороны государственной власти рабочего класса, овладевшего важнейшими артериями народного хозяйства, руководства социалистического сектора и контроля рабочих масс, целью которого является строительство социализма»¹⁶.

Государственный капитализм не случайно занимал одно из важных мест в социально-экономическом преобразовании китайского общества. Китайские руководители правомерно считали, что в социалистическом государстве государственный капитализм может работать на государство, то есть в интересах широких народных масс. В тех конкретно-исторических условиях Китая немедленная экспроприация национальной буржуазии могла вызвать серьезные экономические и политические трудности. Китайским товарищам, надо полагать, были известны слова В.И. Ленина, сказанные им в адрес ренегата Кауцкого, о том, что «нельзя сразу экспроприировать всех помещиков и капиталистов сколь-нибудь большой страны». Эти слова прямо и

непосредственно относятся к такой стране как Китай. «... Одна экспроприация, – писал В.И. Ленин, – как юридический или политический акт, далеко не решает дела, ибо нужно фактически *сместить* помещиков и капиталистов, фактически *заменить* их другим, рабочим, управлением фабриками и имениями»¹⁷. Таким образом генеральным направлением китайского руководства было не борьба с государственным капитализмом, не его отрицание, а, напротив, его развитие, ведущее к его снятию, то есть превращению в социалистический сектор экономики страны, базирующийся, как уже отмечалось, на государственной (общенародной) собственности.

В этом вопросе руководство КНР и КПК шло от этапа к этапу, постепенно, через различные формы госкапитализма. Достаточно подробный анализ различных форм государственного капитализма дан в работе У Цзяна в главе IV «Государственный капитализм в промышленности». В ней он писал о первичных формах государственного капитализма в промышленности и о его высших формах – смешанных государственно-частных предприятиях¹⁸.

Остановимся кратко на содержании форм государственного капитализма имевших место в КНР. Относительно начальных форм государственного капитализма, содержанием которых являлись закупки государственными организациями продукции частных предприятий; заказы капиталистическому предприятию на переработку государственного сырья и полуфабрикатов, нами, со ссылкой на Лю Шао-ци и Ли Фу-чэня, говорилось выше, когда речь шла о восстановлении и развитии народного хозяйства в КНР 1949 – 1952 гг. Здесь же отметим, что при начальных формах государственного капитализма предприятие продолжало оставаться собственностью капиталиста, а государство не имело возможности в полном объеме руководить и управлять предприятием, провести технико-экономическую реконструкцию всего капиталистического хозяйства. Для этого необходимо было переходить к новым формам – смешанным государственно-частным предприятиям.

«Высшая форма государственного капитализма в промышленности – смешанные государственно-частные предприятия – прошла в процессе своего развития, – писал У Цзян, – два этапа: этап отдельных смешанных государственно-частных предприятий и поотраслевое объединение с созданием смешанного государственно-частного управления»¹⁹. Смешанные государственно-частные предприятия представляли собой предприятия, в которые вкладывались как государственные средства, так и средства капиталистов. Они находились под непосредственным руководством государства и управлялись государственным представителем совместно с капиталистом.

Отметим некоторые характерные черты государственно-частных предприятий. Характерной чертой указанных предприятий являлось то, что в них руководящая роль государственной собственности определялась не удельным весом государственного пая в совместное предприятие, а характером государственной власти, ведущей ролью социалистического уклада в экономике страны. Ведущая роль государственной собственности обеспечивала развитие смешанных предприятий по социалистическому пути. «Основная особенность изменений в производственных отношениях, вызванных организацией смешанных государственно-частных предприятий, –

констатирует У Цзян, – состоит в том, что на таких предприятиях изменилась форма собственности на средства производства: из частной она стала совместной общественно-частной собственностью»²⁰.

В связи с изменением отношений собственности и роли государства на смешанном государственно-частном предприятии, изменилось и положение как рабочих, так и капиталистов. «Вследствие того, что рабочие непосредственно связаны воедино с социалистическим сектором и общенародной социалистической собственностью, они занимают на предприятии, – писал У Цзян, – непосредственно руководящее положение»²¹. Рабочий класс выступал уже как представитель той части средств производства этого предприятия, которые принадлежали государству. Это способствовало формированию у рабочего класса нового отношения к производству, создавало условия для более активного влияния рабочих на дела предприятия, стимулировало повышение производительности труда.

В области распределения доходов на смешанных государственно-частных предприятиях особенностью являлось то, что подавляющая часть прибыли предприятия направлялась на развитие производства, на обеспечение насущных потребностей предприятия, в том числе на повышение благосостояния рабочих.

Таким образом, мы видим, что производственные отношения на смешанных государственно-частных предприятиях носили полусоциалистический характер и формировали особый вид предприятия переходного характера с абсолютным преобладанием социалистического типа хозяйствования.

Однако смешанные государственно-частные предприятия не могли окончательно и полностью решить проблему преобразования капиталистического хозяйства в социалистическое. Для этого необходим был поиск новых форм государственного капитализма, объективно ведущих к реорганизации материально-производственной базы капиталистического хозяйства и ликвидации капиталистических производственных отношений, то есть продолжение процесса обобществления на новой основе. Для этого необходимо было перейти от отдельных смешанных государственно-частных предприятий к их поотраслевому преобразованию.

В чем же состоит преимущество, связанное с переходом от отдельных смешанных государственно-частных предприятий к поотраслевому преобразованию в смешанные государственно-частные предприятия? Ответ на данный вопрос достаточно обоснованный дает У Цзян²². Переход к поотраслевому преобразованию смешанных отдельных государственно-частных предприятий объективно диктовался тем, что отношения, складывающиеся в процессе производства между отдельными предприятиями одной определенной промышленности, требовали централизованного управления предприятиями. «Взаимосвязь и взаимозависимость централизованного регулирования, реорганизации производства и социалистического преобразования всей отрасли, – писал У Цзян, – есть проявление необходимости перехода от отдельных смешанных предприятий к смешанным государственно-частным предприятиям в рамках целых отраслей»²³. Это высшая форма государственного капитализма, где капиталистическая собственность перестает существовать по мере ее

закрепления за государственным сектором и превращением в собственность государственную (общенародную). Это достигается, как считал У Цзян, путем организации специализированных компаний и осуществления системы фиксированного процента.

«Специализированные промышленные компании, – писал У Цзян, – это управленческие органы государственных специализированных предприятий, носящие социалистический характер. Они подчиняются руководству соответствующих государственных промышленных ведомств и выполняют задачи социалистического преобразования капиталистической промышленности и торговли»²⁴. Под руководством специализированных компаний объединялось снабжение, производство и сбыт в пределах отрасли, что создавало не только непрерывный технологический процесс, но значительно сокращало цикл производства, давало возможность перейти даже к изготовлению готовой продукции, повысить производительность труда и снизить себестоимость продукции. В этих условиях капиталисты лишались права распоряжаться промышленным капиталом, утрачивали непосредственные связи со средствами производства предприятия. Средства производства капиталистов поступали в полное и непосредственное ведение государства, в его фактическую собственность.

Этому в значительной степени способствовало и применение метода фиксированного процента. «Метод фиксированного процента означает, – писал У Цзян, – что капиталист еще не полностью утратил право собственности на капитал. В то же время это право совершенно отделено от управления предприятием, то есть от реального процесса производства»²⁵. Таким образом, фиксированный процент на смешанном государственно-частном предприятии приводит к отделению права собственности на капитал от права пользования капиталом; он является формой постепенного выкупа капитала, но не способом производства капитала; фиксированный процент свидетельствует о постепенной гибели капиталистического способа производства и составляет «...решающий шаг в изменении капиталистических производственных отношений, благодаря которому теперь имеется основание сказать, – заключает У Цзян, – что смешанные государственно-частные предприятия в этих условиях уже больше не имеют полусоциалистического характера; они в основном являются социалистическими предприятиями»²⁶.

Перевод предприятий государственно-капиталистического сектора экономики в социалистический способствовало дальнейшему претворению в жизнь социалистической индустриализации страны, основанной на государственной (общенародной) собственности, успешному выполнению и перевыполнению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР. «... Благодаря стараниям и усилием народа всей страны, – говорил Ли Фу-чунь, – выступая на сессии Всекитайского Собрания народных представителей, – за истекшие три с лишним года, мы сейчас можем твердо сказать, что наша страна может досрочно выполнить и перевыполнить первый пятилетний план»²⁷. И действительно, к концу 1957 г. задания первого пятилетнего плана в области промышленности были не только выполнены, но и перевыполнены. Промышленное производство Китая выросло на 141 %,

перевыполнив задание плана на 21 %, создав первичную базу для социалистической индустриализации страны в целом.

Генеральной линией КПК было предусмотрено не только постепенное осуществление социалистической индустриализации страны, но и ставилась задача – постепенно провести социалистические преобразования и в сельском хозяйстве. В основу постепенного социалистического преобразования сельского хозяйства партией и правительством положены были доклад Мао Цзэ-дуна «Вопросы кооперирования сельского хозяйства», сделанного им на совещании секретарей провинциальных, городских и областных комитетов партии 31 июля 1955 года, а также в «Решении шестого (расширенного) пленума ЦК Коммунистической партии Китая седьмого созыва по вопросу о кооперировании в сельском хозяйстве», принятое 11 октября 1955 года. Опыт перехода от кооперативов низшего типа (о них у нас речь шла выше) к кооперативам высшего типа освещен в сборнике избранных статей «Социалистический подъем в китайской деревне», изданного в 1956 году.

В предисловии к сборнику Мао Цзэ-дун, говоря о развитии кооперативного движения в стране, высказывает убежденность в том, что «в течение всего лишь одного 1956 г. можно будет в основном завершить полусоциалистическое кооперирование сельского хозяйства, а в последующие 3-4 года, то есть к 1959 или 1960 г., можно будет в основном завершать превращение кооперативов из полусоциалистических в социалистические»²⁸. К этому китайский народ шел под руководством Коммунистической партии Китая.

На шестом (расширенном) пленуме ЦК КПК речь шла: о взаимосвязи и взаимодействии между социалистической индустриализацией и кооперированием в сельском хозяйстве; о дальнейшем развитии кооперирования в нем; о неотложных мерах, которые будут способствовать дальнейшему развитию кооперативного движения; о соблюдении принципа добровольности и взаимной выгоды при их организации; о содержании договоров между бедными и середняками по вопросам использования земли, рабочего скота и сельскохозяйственных орудий кооперативов; о средствах производства для подсобных хозяйств, о лесных участках, прудах для разведения рыбы принадлежащих членам кооператива; о создании общественных фондов; о мерах обеспечения роста производительных сил сельского хозяйства; о необходимости усиления политической и культурно-просветительской работы; о путях повышения уровня социалистической сознательности членов кооператива²⁹.

На шестом пленуме ЦК КПК был поднят и вопрос о темпах развития кооперативного движения в сельском хозяйстве. В нем говорилось, что «для того, чтобы активно и в плановом порядке руководить движением за кооперирование в сельском хозяйстве, необходимо иметь планы проведения кооперирования по срокам в масштабе всей страны...»³⁰. При этом отмечалось, что «при разработке этих планов нужно учитывать не только общие для всего движения за кооперирование моменты, но также конкретные различия, присущие этому движению в разных районах страны»³¹. Неодинаковые условия, правомерно считали участники пленума, предполагают и не одинаковые темпы развития движения за кооперирование в сельском

хозяйстве. В некоторых районах, где движение за кооперирование получило сравнительно широкое развитие, предполагалось осуществить в основном кооперирование полусоциалистического характера. А там, где даже не созданы бригады взаимопомощи, «...необходимо придерживаться политики сравнительно неторопливых действий или даже политики длительного выжидания»³².

Как видим, ни о каком «форсировании темпов кооперирования деревни», как об этом утверждают авторы работы «Новейшая история Китая 1917 – 1970 гг.», не было. И совсем неубедительно, на наш взгляд, звучит обвинение в адрес Мао Цзэ-дуна, о том, что «в ходе острой дискуссии Мао Цзэ-дуну и его соратникам удалось навязать пленуму свою волюнтаристскую линию...»³³. Напротив, в решении шестого (расширенного) пленума ЦК КПК сказано: «Как в деле индустриализации страны, так и в движении за кооперирование в сельском хозяйстве и в других областях мы должны, – подчеркнули участники пленума, – развивать инициативу и активность широких масс, действовать в соответствии с конкретной обстановкой и избегать зазнайства и излишней поспешности»³⁴. Обратим внимание – «избегать зазнайства и излишней поспешности».

Не об этом ли говорил и Мао Цзэ-дун в предисловии к сборнику избранных статей в книге «Социалистический подъем китайской деревни»? Он говорил, с одной стороны, «...об осуждении правоуклонистских, консервативных взглядов в отношении темпов социалистического преобразования сельского хозяйства...»³⁵. А с другой, – говорил и о том, что «...никто не должен предаваться беспочвенным мечтаниям, не может планировать свои действия выходя за пределы того, что позволяют объективные условия. Нельзя пытаться, – пишет он, – через силу сделать то, что фактически сделать невозможно»³⁶.

Генеральной линией партии, как мы уже знаем, было определено «постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны и постепенно провести социалистические преобразования сельского хозяйства». При этом в решении шестого (расширенного) пленума ЦК КПК говорилось о том, что между социалистическим преобразованием сельского хозяйства, его кооперацией и социалистической индустриализацией страны, существует взаимосвязь и взаимообусловленность. Так, в решении шестого (расширенного) пленума ЦК КПК отмечалось, что «...если кооперирование в сельском хозяйстве не поспевает за развитием индустриализации, если рост зерновых и технических культур отстает, то при таких условиях социалистическая индустриализация нашей страны встретится с исключительно большими трудностями»³⁷. Эту мысль о взаимосвязи и взаимообусловленности социалистической индустриализации и развития сельскохозяйственного производства довольно убедительно высказал Ли Фу-чунь на второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5–6 июля 1955 г.). «Концентрируя силы для развития промышленности, мы, – заявил он, – никоим образом не должны пренебрегать развитием сельского хозяйства. Без надлежащего развития сельского хозяйства дело индустриализации в нашей стране не может быть претворено в жизнь. Предотвращение и ликвидация

разрыва между сельским хозяйством и промышленностью являются нашей важной и неотложной задачей в ходе построения социализма»³⁸.

Главным путем увеличения сельскохозяйственного производства (при отсутствии надлежащей материально-технической базы) руководители партии и правительства видели, и не без основания, в кооперации сельского хозяйства. Напомним, кооперирование сельского хозяйства началось еще в ходе аграрной реформы и прошло ряд последовательных этапов: вначале, как мы видели, создавались группы взаимопомощи, основанные на совместном труде крестьян на их единоличных земельных участках, а затем постепенно осуществлялся переход, по терминологии Ли Фу-чуня, к кооперативам «полусоциалистического характера». «В период выполнения первого пятилетнего плана, – отмечал он, – необходимо энергично, последовательно, на основе принципа добровольности и взаимной выгоды, опираясь на бедняков (включая новых середняков, бывших ранее бедняками) и укрепляя союз с середняками, создавать сельскохозяйственные производственные кооперативы, основанные на внесении земельных участков в качестве пая и на ведении хозяйства по единому плану. Это значит, – считал Ли Фу-чунь, – что кооперативы имеют полусоциалистический характер и осуществляют систему частичной коллективной собственности»³⁹. Это переходная форма, затем она должна смениться, по замыслу руководителей партии и правительства, кооперативами социалистическими, основанными на коллективной собственности на орудия и средства производства. В тех конкретно-исторических условиях речь шла о создании «...первичной базы для социалистического преобразования сельского хозяйства... путем развития сельскохозяйственных производственных кооперативов, основанных на частичной коллективной собственности...»⁴⁰. Необходимо было постепенно заменить распыленные единоличные мелкие крестьянские хозяйства кооперированным сельским хозяйством. Мао Цзэ-дун в предисловии к сборнику «Социалистический подъем в китайской деревне» писал: «Я упомянул, что число крестьянских дворов, вступивших в сельскохозяйственные кооперативы, составляет 16900 тыс. Но прошло всего несколько месяцев – и еще более 50 млн. крестьянских дворов вступило в кооперативы.

Это огромное, – констатирует он, – выдающееся событие»⁴¹.

Огромным и выдающимся событием было не только кооперирование крестьянских дворов, но и механизация сельскохозяйственного производства. За истекшие три года, констатировал Ли Фу-чунь, подводя итоги выполнения первого пятилетнего плана, «число механизированных госхозов с 50 в 1952 году увеличилось до 106, а число МТС составило 138 (в 1952 году их не было), тракторный парк механизированных госхозов и МТС с 1532 единиц в 1952 году увеличился до 5 216 единиц»⁴². Как и предвидел Ли Фу-чунь, показатели, предусмотренные первым пятилетним планом, были перевыполнены. «Валовой сбор продовольственных культур в 1957 г. увеличился на 20 % по сравнению с 1952 г., превысив задание плана на 2 %, сбор хлопка – на 26 %. В 1957 г. было собрано 185 млн. т. зерновых, 1,64 млн. т. хлопка. Расширилась на 3,9 млн. га пахотная площадь, несколько улучшилась техническая оснащенность земледелия... Известные успехи были достигнуты в животноводстве: поголовье свиней увеличилось на 63 % по сравнению с 1952 г. и составило в 1957 г. 145,9

млн.; возросло также поголовье крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз»⁴³. И все же, как признавал Ли Фу-чунь, «в ходе социалистического подъема в сельском хозяйстве наблюдался некоторый уклон к поспешности в выполнении поставленных задач, особенно же в деле развития организации производства»⁴⁴, то есть в вопросах организации кооперирования сельскохозяйственного производства. Имело место нарушение принципа «постепенного проведения социалистического преобразования сельского хозяйства». Китайских товарищей можно было понять, ведь без надлежащего развития сельского хозяйства, дело индустриализации было бы затруднено. И действительно, в стране наблюдалось противоречие между потребностями, связанными с индустриализацией страны и скромными успехами в преобразовании сельскохозяйственного производства, поставляющего необходимое сырье для промышленности и продовольствия для городского населения.

На шестом (расширенном) пленуме ЦК КПК речь шла не только о проведении в стране социалистической индустриализации, кооперировании сельскохозяйственного производства, но и о проведении культурной революции, без которой дело индустриализации и кооперирования сельского хозяйства также не может быть претворено в жизнь. В резолюции VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по политическому отчету сказано: «Для осуществления культурной революции в нашей стране надо всеми силами, планомерно и постепенно ликвидировать неграмотность и постепенно ввести всеобщее обязательное начальное образование...»⁴⁵. Как видим и в этом вопросе наблюдается противоречие между необходимостью социалистического преобразования промышленности, сельского хозяйства и низким общеобразовательным и культурным уровнем трудящихся. В соответствии с потребностями страны в ходе культурной революции необходимо было не только ликвидировать неграмотность, но и развивать науку, высшее и среднее образование, усилить культурно-просветительскую работу в стране. Определенные шаги в этом направлении были сделаны в период восстановления народного хозяйства страны, но предстояла еще большая работа, так как в стране был достаточно низкий общеобразовательный и культурный уровень рабочего класса и крестьянства. А ведь именно «кадры – решают все», кадры высокой квалификации. И тем не менее, обратим внимание, в резолюции по политическому отчету сказано: «В этом вопросе как поспешность и забегание вперед, так и пассивность и консерватизм – являются ошибочными»⁴⁶. Остановимся несколько подробнее о проделанной работе партии и правительства по претворению в жизнь культурной революции в 1953 – 1957 гг.

Основная масса трудящихся – рабочих и крестьян стояли за социализм, оказывали поддержку партии и народному правительству в решении задач индустриализации страны, кооперирования сельского хозяйства. Но уровень классового самосознания, их образовательный и культурный уровень были еще недостаточны для выполнения работ по социалистическому преобразованию китайского общества. В политическом отчете Центрального Комитета Коммунистической партии Китая Лю Шао-ци обратил внимание на то, что «мы должны вооружать интеллигенцию и народные массы марксистско-ленинскими идеями, идеями социализма...»⁴⁷. Овладеть идеями социализма, марксизмом-

ленинизмом невозможно не имея необходимого общеобразовательного и культурного развития личности. С этой целью в пятилетнем плане развития народного хозяйства Китая на 1953–1957 гг. было предусмотрено значительное увеличение числа учащихся высших, средних и начальных учебных заведений. «Число учащихся высших учебных заведений в стране в 1957 г., – говорил Ли Фу-чунь на второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей, – увеличится по сравнению с 1952 г. на 127 % и будет составлять 434 тыс. человек. Число учащихся старших классов полных средних школ увеличится на 178 % и составит в 1957 г. 724 тыс. человек. Число учащихся неполных средних школ увеличится на 78,6 % и в 1957 г. составит 3 983 тыс. человек. Число учащихся начальных школ увеличится на 18 % и в 1957 г. достигнет 60230 тыс. человек, что составит свыше 70 % детей школьного возраста, имеющих в стране»⁴⁸. Эти данные приводит в докладе на Всекитайском Собрании народных представителей Ли Фу-чунь, говоря о задачах повышения общеобразовательной подготовки населения и, прежде всего, молодежи. На тот период – это были огромные успехи. Если в 1948 г. в начальных классах обучалось немногим более 24 млн., то в 1957 г. учебой было охвачено 64 млн. детей. Однако, это далеко не решало в полной мере всех проблем в сфере образования. Необходимо было расширить сеть начальных школ для того, чтобы добиться осуществления всеобщего обязательного начального образования.

Надо отметить, что в повышении культурного уровня трудящихся большую роль стали играть печать, кино, национальное искусство. Возросло количество библиотек, театров, дворцов культуры, клубов и т.д. Положено начало радиофикации страны. Была развернута работа по реформе китайской письменности. Особое внимание было уделено развитию науки и подготовке научных кадров.

«В области науки партия и правительство, – как сказано в резолюции Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по политическому отчету, – должны всеми силами помогать Академии наук и научно-исследовательским учреждениям министерств и ведомств, вузов и крупных предприятий, предоставлять ученым всей страны необходимые условия для осуществления 12-летнего плана развития науки и добиться того, чтобы многие важнейшие отрасли науки и техники в кратчайшие сроки приблизились к передовому мировому уровню»⁴⁹. В этой области китайским народом были достигнуты значительные успехи, в частности, в развитии таких отраслей народного хозяйства как атомная энергетика, электроника, автоматика и т.д.

Перед партией и китайским правительством, наряду с обучением широких масс трудящихся, остро стоял вопрос о воспитании и перевоспитании мелкобуржуазных и буржуазных элементов. Это обусловлено было наличием в стране частных и государственно-частных предприятий. На уровне поотраслевых смешанных государственно-частных предприятий процесс перевоспитания буржуазных элементов проходил достаточно эффективно, так как сочетал в себе возможность, с преобразованием предприятия, и перевоспитание буржуазных элементов, работающих на этих предприятиях. Выступая с политическим отчетом ЦК КПК на VIII съезде партии Лю Шао-ци подчеркнул, что «...в процессе социалистического преобразования

капиталистической промышленности и торговли мы, – говорил он, – сочетаем работу по преобразованию предприятий с работой по перевоспитанию людей. Это означает, что одновременно с проведением преобразований предприятий необходимо путем воспитания постепенно перевоспитывать капиталистов, превращая их из эксплуататоров в трудящихся, то есть в людей, живущих своим трудом»⁵⁰.

Методы, какими достигалось это перевоспитание, достаточно подробно излагает У Цзян в работе «Вопросы преобразования капиталистической промышленности и торговли в КНР»⁵¹. В ней он говорит о двух методах воспитания и перевоспитания капиталистов. «Первый метод – массовая борьба при отказе от консультаций буржуазии, дополняемая применением юридических санкций. Этот метод, – пишет он, – является воспитательным потому, что он преследует воспитательные цели. Другой метод – это метод консультаций буржуазии, ее учебы, критики и поощрения, а также широкой дискуссии и борьбы. Применять тот или иной метод следует в зависимости от обстановки. Необходимо взвешивать, применение какого метода принесет максимальный воспитательный эффект»⁵². Воспитательный эффект состоял в том, что китайские капиталисты приняли мирный путь преобразования частнокапиталистических предприятий в социалистические, утверждение социалистических производственных отношений. Таким образом, процесс социалистического преобразования китайского общества на основе проведения в стране социалистической индустриализации, кооперирования сельского хозяйства и проведения культурной революции проходил достаточно успешно.

Характеризуя этот этап в развитии Китая и деятельность Мао Цзэ-дуна в нем, Председатель ЦК КПК Ху Яобан, в беседе с генеральным секретарем Коммунистической партии Испании Сантьяго Каррильо в ноябре 1980 года так оценил деятельность Мао Цзэ-дуна в этот период: китайская Компартия «будет с уважением относиться к первому периоду его деятельности, направленной на строительство Китая» (имеется в виду период с 1949 по 1957 гг.). Далее он говорил, что «в последний период Мао Цзэ-дун совершил много ошибок левацкого толка», которые «шли вразрез с его собственными идеями». Обратим внимание – «шли вразрез с его собственными идеями»⁵³. Это никак не вяжется с утверждением Ван Мина о его предательстве делу китайского народа. Ван Мин пишет якобы о преступлениях совершенных «Мао Цзэ-дуном в ходе китайской революции»⁵⁴, что, как мы уже знаем, не соответствует действительности. Не соответствует истине и утверждение о том, что «... в 1949 г. Мао Цзэ-дун подменил идеи и линию ленинизма идеями и линией «новодемократизма»⁵⁵ и т.д.

Деятельность Мао Цзэ-дуна с 1918 по 1957 год, нами рассматривалась как период его плодотворной деятельности, связанной с теоретическими и практическими действиями, отражающие интересы китайского народа. Этот период подразделяется на два этапа: первый – этап с 1918 по 1949 год, этап борьбы китайского народа за национальное освобождение от империалистической агрессии и проведение народно-демократической революции. Второй этап – это строительство социализма в Китае в период с 1949 по 1957 год.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Резолюция VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по политическому отчету (Принята VIII Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая 27 сентября 1956 года // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15 – 27 сентября 1956 года) – М., 1956.

² Лю Шао-ци. Политический отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Китая VIII Всекитайскому съезду партии 15 сентября 1956 года // Там же. – С. 10.

³ Мао Цзэ-дун. Вступительная речь 15 сентября 1956 года // Там же. – С. 5.

⁴ Ли Фу-чунь. Доклад О первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Китайской Народной Республики (5–6 июля 1955 г.) // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5 – 30 июля 1955 г.) – М., 1956. – С. 7 – 8.

⁵ См.: Ли Фу-чунь. Доклад О первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Китайской Народной Республики (5–6 июля 1955 г.) // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5 – 30 июля 1955 г.) – М., 1956; Лю Шао-ци Политический отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Китая VIII Всекитайскому съезду партии 15 сентября 1956 года // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15 – 27 сентября 1956 года) – М., 1956.

⁶ Первым пятилетним планом развития народного хозяйства КНР предусмотрено проведение в стране: социалистической индустриализации; кооперирование сельскохозяйственного производства и на этой основе его развитие; подготовка квалифицированных кадров с высшим образованием и средним специальным образованием; повышение культурного уровня народа

/ См.: Первый пятилетний план развития народного хозяйства Китайской Народной Республики 1953 – 1957 гг. (Принят второй сессией Всекитайского Собрания народных представителей первого созыва 30 июля 1955 г.) Раздел восьмой. Подготовка кадров и усиление научно-исследовательской работы. Раздел девятый. Повышение материального благосостояния и культурного уровня народа // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5 – 30 июля 1955 г.) – М., 1956.

⁷ Ли Фу-чунь. Доклад О первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Китайской Народной Республики (5–6 июля 1955 г.) // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5 – 30 июля 1955 г.) – М., 1956. – С. 10 – 11.

⁸ Там же. – С. 39.

⁹ Первый пятилетний план развития Китайской Народной Республики 1953 – 1957 гг. (Принят второй сессией Всекитайского Собрания народных представителей первого созыва 30 июля 1955 г.) // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5 – 30 июля 1955 г.) – М., 1956. – С. 260.

¹⁰ Содержание принципа тождества противоположностей, сформулировано нами в работе «Диалектика общественной жизни». – Часть 1. Куда идет человечество (прав ли К. Маркс в прогнозе его будущего)? Глава 2.

«Методологическое значение принципа тождества противоположностей в познании общества и прогнозировании его развития». – К., 2005.– С. 58 – 66.

¹¹ Ли Фу-чунь. Доклад О первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Китайской Народной Республики (5–6 июля 1955 г.) // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5 – 30 июля 1955 г.) – М., 1956. – С. 26.

¹² См.: Сталин И.В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП (б). Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г.// Сталин И.В. Соч. – Т.11.

¹³ Ли Фу-чунь. Доклад О первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Китайской Народной Республики (5–6 июля 1955 г.) // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5 – 30 июля 1955 г.) – М., 1956. – С. 28.

¹⁴ Там же. – С. 41.

¹⁵ Там же. – С. 65.

¹⁶ У Цзян. Вопросы преобразования китайской промышленности и торговли в КНР. – М., 1960. – С. 155.

¹⁷ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Предисловие. Может ли быть равенство эксплуатируемого с эксплуататором? // Полн. собр.соч. – Т.37. – С. 262.

¹⁸ См.: У Цзян. Вопросы преобразования китайской промышленности и торговли в КНР. Глава IV. Государственный капитализм в промышленности. – М., 1960.

¹⁹ Там же. – С. 331.

²⁰ Там же. – С. 342.

²¹ Там же. – С. 347.

²² См.: У Цзян. Вопросы преобразования китайской промышленности и торговли в КНР. Глава IV. Государственный капитализм в промышленности. 5. От отдельных смешанных государственно-частных предприятий к поотраслевому преобразованию в смешанные государственно-частные предприятия / С. 363 – 392.

²³ Там же. – С. 367.

²⁴ Там же. – С. 373.

²⁵ Там же. – С. 378.

²⁶ Там же. – С. 392.

²⁷ Ли Фу-чунь. О ходе выполнения первого пятилетнего плана // Народный Китай на пути к социализму. Сборник выступлений на третьей сессии Всекитайского Собрания народных представителей первого созыва, Пекин, 1956. – С. 93.

²⁸ Мао Цзэ-дун. Предисловие // Социалистический подъем в китайской деревне. Сборник избранных статей. – М., 1956. –С. 6 – 7.

²⁹ См.: Решение шестого (расширенного) пленума ЦК Коммунистической партии Китая седьмого созыва по вопросу о кооперировании в сельском хозяйстве. Принято 11 октября 1955 года по докладу товарища Мао Цзэ-дуна, сделанному на совещании секретарей провинциальных, городских и областных комитетов партии 31 июля 1955 года. – М., 1956.

³⁰ Там же. – С. 27.

³¹ Там же. – С. 28.

³² Там же.

³³ Новейшая история Китая 1917 – 1970 гг. М., 1972. – С. 275.

³⁴ Решение шестого (расширенного) пленума ЦК Коммунистической партии Китая седьмого созыва по вопросу о кооперировании в сельском хозяйстве. Принято 11 октября 1955 года по докладу товарища Мао Цзэ-дуна, сделанному на совещании секретарей провинциальных, городских и областных комитетов партии 31 июля 1955 года. – М., 1956. – С. 32.

³⁵ Мао Цзэ-дун. Предисловие // Социалистический подъем в китайской деревне. Сборник избранных статей. – М., 1956. – С. 7.

³⁶ Там же. – С. 8.

³⁷ Решение шестого (расширенного) пленума ЦК Коммунистической партии Китая седьмого созыва по вопросу о кооперировании в сельском хозяйстве. Принято 11 октября 1955 года по докладу товарища Мао Цзэ-дуна, сделанному на совещании секретарей провинциальных, городских и областных комитетов партии 31 июля 1955 года. – М., 1956. – С. 4 – 5.

³⁸ Ли Фу-чунь. Доклад О первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Китайской Народной Республики (5–6 июля 1955 г.) // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5 – 30 июля 1955 г.) – М., 1956. – С. 54.

³⁹ Там же. – С. 55.

⁴⁰ Первый пятилетний план развития Китайской Народной Республики 1953 – 1957 гг. (Принят второй сессией Всекитайского Собрания народных представителей первого созыва 30 июля 1955 г.) // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5 – 30 июля 1955 г.) – М., 1956. – С. 256.

⁴¹ Мао Цзэ-дун. Предисловие // Социалистический подъем в китайской деревне. Сборник избранных статей. – М., 1956. – С. 6.

⁴² Ли Фу-чунь. О ходе выполнения первого пятилетнего плана // Народный Китай на пути к социализму. Сборник выступлений на третьей сессии Всекитайского Собрания народных представителей первого созыва, Пекин, 1956. – С. 89.

⁴³ Новейшая история Китая 1917 – 1970 гг. М., 1972. – С. 303.

⁴⁴ Ли Фу-чунь. О ходе выполнения первого пятилетнего плана // Народный Китай на пути к социализму. Сборник выступлений на третьей сессии Всекитайского Собрания народных представителей первого созыва, Пекин, 1956. – С. 95.

⁴⁵ Резолюция VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по политическому отчету (Принята VIII Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая 27 сентября 1956 года) // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15 – 27 сентября 1956 года) – М., 1956. – С. 478.

⁴⁶ Там же. – С. 449.

⁴⁷ Лю Шао-ци. Политический отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Китая VIII Всекитайскому съезду партии 15 сентября 1956 года // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15 – 27 сентября 1956 года) – М., 1956. – С. 43.

⁴⁸ Ли Фу-чунь. Доклад О первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Китайской Народной Республики (5–6 июля 1955 г.) // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5 – 30 июля 1955 г.) – М., 1956. – С. 32.

⁴⁹ Резолюция VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по политическому отчету (Принята VIII Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая 27 сентября 1956 года) // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15 – 27 сентября 1956 года) – М., 1956. – С. 478.

⁵⁰ Лю Шао-ци. Политический отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Китая VIII Всекитайскому съезду партии 15 сентября 1956 года // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15 – 27 сентября 1956 года) – М., 1956. – С. 21.

⁵¹ См.: У Цзян. Вопросы преобразования китайской промышленности и торговли в КНР. Глава VI. Специфические формы классовой борьбы. Сочетание перевоспитания людей с преобразованием предприятий. – М., 1960.

⁵² Там же. – С. 530.

⁵³ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. – М., 2003. – С. 199.

⁵⁴ Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. – М., 1979. –С. 10.

⁵⁵ Там же. – С. 11.

VI

Субъективно-волюнтаристические ошибки в деятельности Мао Цзэ-дуна. Курс на проведение в стране «большого скачка», «народных коммун», «культурной революции» (1958–1976)

Период с 1958 по 1976 гг. в деятельности Мао Цзэ-дуна, по утверждению, как мы уже знаем, Ху Яобана, «шел вразрез с его собственными идеями». Летом и осенью 1958 г. Мао Цзэ-дун необдуманно выступил с инициативой осуществления «большого скачка» и движения за создание сельских народных коммун, положив начало многим левацким ошибкам, идущим вразрез с его предыдущими взглядами по вопросам социалистического строительства в Китае.

С какими же идеями шел вразрез Мао Цзэ-дун, осуществляя деятельность прямо противоположную его деятельности до 1958 года? Это касается, на наш взгляд, прежде всего темпов развития народного хозяйства страны и форм его проведения.

На VIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (сентябрь 1956 г.), как мы уже знаем, Центральный Комитет КПК определил генеральную линию партии на *постепенное* осуществление социалистической индустриализации страны и социалистического преобразования сельского хозяйства. На второй же сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) речь шла уже не о постепенном осуществлении социалистических преобразований, а о «скачке» по принципу строить социализм «больше, быстрее, лучше, экономнее». «Настоящая сессия, – говорилось в материалах сессии, – сама явилась сессией упорядочения стиля, сессией борьбы с международным ревизионизмом, борьбы с пробравшимися в ряды партии правыми элементами, элементами, стоящими на местнических позициях, националистами, *сессией большого скачка*» (курсив наш – Е.Г.)¹.

Делегаты съезда, в ходе обсуждения отчетного доклада о работе Центрального Комитета партии, единодушно «...выразили мнение, что при решительном и последовательном претворении в жизнь генеральной линии не потребуется и 15 лет, чтобы наша страна догнала или перегнала Англию по производству важнейших видов промышленной продукции, а время для выполнения всех показателей, предусмотренных в Основных положениях развития сельского хозяйства КНР, также значительно сократится»². В своих выступлениях делегаты съезда говорили о планах и мероприятиях, необходимых для осуществления *большого скачка* в различных сферах развития народного хозяйства Китая.

Вопрос о формах преобразования народного хозяйства, в частности, сельскохозяйственного производства, был рассмотрен Мао Цзэ-дуном в докладе «Вопросы кооперирования сельского хозяйства», сделанного им, как мы знаем, на совещании секретарей провинциальных, городских и областных комитетов партии (31 июля 1955 г.). Речь на нем, как видим, шла о кооперировании в сельском хозяйстве, а не о создании так называемых *народных коммун*³. Решение о создании народных коммун ЦК КПК принимает

в августе 1958 года, обосновывая это тем, что в них, как считалось, увязаны друг с другом промышленность, сельское хозяйство, торговля, просвещение и даже военное дело. Коммуна, в отличие от кооперации, стала управляться непосредственно государственной администрацией. За «коммунизацией» деревни предполагалось в дальнейшем и «коммунизация» города, превращение «коммун» в универсальную и бытовую единицу существования каждого китайского гражданина.

По терминологии И.В Сталина у китайских товарищей появилось желание «...«в два счета» разрешить все вопросы социалистического строительства»⁴. Мао Цзэ-дун стремился в самые короткие сроки догнать ушедшие вперед западные государства в развитии экономики, а главное – превзойти СССР, где он считал, и не без основания, власть захватили ревизионисты во главе с Н.С.Хрущевым⁵.

С 1958 года Мао Цзэ-дун вынашивал планы завершения строительства социализма в Китае и построение коммунизма. Он рассуждал о сроках вступления Китая в коммунизм и на практике форсировал этот переход на основе проведения в стране «большого скачка», а также путем создания «народных коммун». Вопреки его прежним взглядам и практическим действиям, эти идеи носили субъективно-волюнтаристический, в своей основе *утопический* характер, так как не пройден был еще этап социалистического преобразования общества.

Напомним, К.Маркс и Ф.Энгельс с величайшей ответственностью подходили к предвосхищению будущего коммунистического общества. Как писал В.И.Ленин: «...У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать на счет того, чего знать нельзя»⁶. Их вывод основывался на том, что в поступательном развитии человечество неизбежно придет к этапу смены экономической общественной формации коммунистической. «На основании каких же *данных* можно ставить вопрос, – писал В.И.Ленин, – о будущем развитии будущего коммунизма?» И отвечал: «На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом»⁷.

К.Маркс и Ф.Энгельс, как мы уже знаем, основное внимание уделяли исследованию перехода от капитализма к социализму, то есть низшей фазе коммунистической общественной формации. К Маркс и Ф.Энгельс ограничивались лишь самой общей характеристикой основных принципов и характерных черт высшей фазы коммунизма⁸. В работе «Критика Готской программы» К.Маркс указывает те общие черты, которые будут присущи высшей фазе коммунистического общества. «На высшей фазе коммунистического общества, – писал К.Маркс, – после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть

узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»⁹.

Основные же признаки, определявшие «коммунистические условия жизни» в народных коммунах, ничего общего не имели с тем, что писал К.Маркс о коммунистической стадии развития человеческого общества в «Критике Готской программы». К числу основных признаков «коммунистических условий жизни» в народных коммунах сторонники коммунизации относили: переброску миллионов крестьян на строительство промышленных объектов, представляя ее как уничтожение различий между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством; отправку интеллигенции в деревню, как начало стирания различий между умственным и физическим трудом; систему бесплатного снабжения и питания (карточную систему), как первоначальную стадию реализации на практике принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям»; отмену приусадебных участков, обобществление скота, находящегося в личном пользовании инвентаря, выдавалось за преобразование коллективной собственности в общенародную и т.д.

Что можно сказать по данному поводу? Только одно. Желание догнать и перегнать развитые капиталистические страны, а вместе с ними и Советский Союз, который в хрущевско-брежневский период также вынашивал *утопические идеи скачка* в развитии социализма, а затем и перехода к коммунизму, понять можно, но с формами и методами, а также с утопическими идеями построения ни много, ни мало – коммунизма, нельзя. Отрицательные последствия так называемой «коммунизации деревни» не заставили долго себя ждать. Мероприятия по дальнейшему обобществлению крестьянской и кооперативной собственности, переход за несколько лет к огосударствлению земли и других средств производства, отказ от материального стимулирования труда и неизбежная вследствие этого уравниловка – все это и многое другое, самым решительным образом подорвало основы общественного хозяйства в китайской деревне.

Не вопреки, как утверждают некоторые авторы, а по инициативе Мао Цзэ-дуна с 1960 г. по 1965 г. была проведена работа по исправлению допущенных ошибок, в том числе связанных и с коммунизацией деревни. Начался процесс разукрупнения коммун. Основной хозяйственной и хозрасчетной единицей стали производственные бригады. В системе оплаты труда также произошли существенные изменения, а именно – возвращение к принципу «от каждого по способностям, каждому по труду». Снова стали развиваться подсобные промыслы, а крестьяне стали выращивать свиней и птицу в личном хозяйстве. Это бесспорно способствовало улучшению благосостояния крестьян. И что существенно важно отметить, со стороны государства возросло количество поставляемых сельскому хозяйству минеральных удобрений, сельскохозяйственной техники. Эти меры способствовали стабилизации сельскохозяйственного производства, восстановлению и укреплению ее материально-технической базы, увеличению производства зерна и продовольствия. Верно, этому в 1962–1965 гг., способствовали и благоприятные климатические условия. По оценкам большинства экспертов, в том числе и зарубежных, производство зерновых в

Китае составило: в 1962 г. – 175 млн.т., в 1963 г. – 180 млн., в 1964 г. – 182 млн., в 1965 г. – 185 млн.т.¹⁰

Компания организации народных коммун, охватившая все сельское хозяйство, по существу не затронула город.¹¹ Этим объясняется тот факт, что рассмотрение нами «большого скачка» начато не с промышленности, а с сельского хозяйства. «Большой скачок» в городе коснулся в основном темпов развития промышленного производства. В соответствии с Предложениями VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1958–1962 гг., принятыми VIII Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая 27 сентября 1956 года, предполагалось «...завершить *социалистические преобразования* (курсив наш – Е.Г.) и обеспечить нашей стране возможность в течение примерно трех пятилеток в основном построить целостную промышленную систему, чтобы наша страна из отсталой аграрной стала передовой социалистической индустриальной страной»¹². При этом предусматривалось, что «... валовая продукция промышленности (включая современную промышленность и кустарную промышленность) увеличится по сравнению с планом на 1957 год *примерно в 2 раза ...*»¹³ (курсив наш – Е.Г.), то есть темпы роста достаточно высокие. Примечательно и то, что «... в валовой продукции промышленности в 1962 году на продукцию промышленности средств производства и промышленности средств потребления приходилось примерно по 50 процентов»¹⁴. В этом нами усматривается стремление китайских товарищей к достижению *тождества* между производством и потреблением. Второй пятилетний план был составлен с учетом хода выполнения первого пятилетнего плана.

На второй же сессии VIII съезда КПК (5–23 мая 1958 г.) план второй пятилетки был пересмотрен в сторону роста темпов промышленного производства. Общий объем промышленного производства должен был увеличиться не в два раза, как это было предусмотрено в Предложениях VIII съезда КПК в сентябре 1956 года, а в 6,5 раз. В работе Ю.Яременко приведены данные по некоторым видам продукции за 1957 г. и планируемые показатели на 1962 год. Они впечатляют. Так, производство стали (в млн.т.) – в 1957 г. – 5,3, а в 1962 г. – 100 ; угля в 1957 г. – 129, а в 1962 г. – 700 ; цемента – в 1957 г. – 10, а в 1962 г. – 100 и электроэнергии (в млрд.квт.ч.) в 1957 г. – 19, а в 1962 г. – 240 млрд.квт.ч.¹⁵

О чем все это говорит? Только о том, что эти планы носили субъективно-волюнтаристический, утопический характер, так как в тех конкретно-исторических условиях не было ни финансовых, ни материально-технических возможностей для таких экономических экспериментов. И как результат, директивы VIII съезда КПК по основным показателям развития народного хозяйства на вторую пятилетку (1958–1962) были не выполнены. «Большой скачок» задержал плановое развитие народного хозяйства на несколько лет. Таким образом, даже первоначальный план социалистических преобразований, рассчитанный на три пятилетки и учитывающий реальные возможности страны, не был выполнен, не говоря уже о планах промышленного производства принятых на второй сессии VIII съезда КПК. За короткий период производство упало ниже того уровня, который предшествовал «большому

скачку». Мао Цзэ-дун вынужден был признать эти факты и, как уже отмечалось, возглавил работу по исправлению допущенных ошибок в ходе «большого скачка». На IX пленуме ЦК КПК (январь 1961 г.) были приняты новые политические установки, которые явились отступлением от принципов и методов проведения «большого скачка». Пленум ЦК КПК принял меры для оказания помощи в развитии легкой промышленности, городской и сельской кустарной промышленности, развитию личного подсобного хозяйства в целях увеличения производства различных видов товаров широкого потребления и продуктов питания. В этих условиях Мао Цзэ-дун был готов даже широко использовать товарное производство и закон стоимости. Была разрешена торговля излишками сельскохозяйственной продукции. В промышленности в известной мере была восстановлена система материального стимулирования. И если, как мы отмечали, складывалась возможность достижения тождества между производством и потреблением (развитие 50 на 50), то сравнивая структуру производства в Китае до «большого скачка» и после его проведения, бросается в глаза огромный разрыв между производством и потреблением. К этому следует добавить, что чрезвычайно неблагоприятное влияние на развитие экономики Китая оказало свертывание экономических связей, по уже понятным нам причинам, со странами социализма и, прежде всего, с Советским Союзом.

Период с 1949 г. по 1957 г., как мы уже знаем, был периодом плодотворного сотрудничества между КНР и СССР. СССР и лично И.В.Сталин играли значительную роль в судьбах китайского народа, чего не скажешь в отношении хрущевско-брежневского периода. Этот период отмечен идеологическими разногласиями между КПК и КПСС, в основе которого лежали решения XX съезда КПСС о «Культе личности и его последствиях». И как следствие, разрыв контактов между КПК и КПСС, между КНР и Советским Союзом, разрыв сотрудничества со странами социализма. Нами не разделяется точка зрения О.Владимирова, автора работы «Советско-китайские отношения в сороковых – восьмидесятих годах», где он пишет, что «с начала 60-х годов оно (советско-китайское сотрудничество – Е.Г.) *не по вине Советского Союза* (курсив наш – Е.Г.) стало быстро сокращаться и принимать другой характер»¹⁶.

Разве по вине китайского руководства на XX съезде КПСС была представлена искаженная картина деятельности И.В.Сталина, а следовательно, и деятельность его связанная с Китаем, с его судьбами? Причем здесь китайское руководство, которое усмотрело в реформах Н.С.Хрущева шаги, которые в итоге приоткрыли шлюзы для превращения ЦК КПСС в «штаб контрреволюции» и к ликвидации СССР? И надо отдать должное руководству КПК во главе с Мао Цзэ-дуном, которое за три десятилетия до контрреволюционного переворота в Советском Союзе, говорили о буржуазном перерождении в руководстве КПСС и в советском правительстве. В тот период Мао Цзэ-дун неоднократно заявлял, что он и впредь будет вести непримиримую борьбу против идейных позиций КПСС, обозначенных на XX, а позднее и на XXII съездах партии. В беседе с А.Н.Косыгиным, следовавшим через Пекин в ДРВ в феврале 1965 года, Мао Цзэ-дун заявил, что в качестве условия снятия разногласий между КПК и КПСС, он ставит далеко не абсурдное требование, как считает М.С.Капица, а вполне конкретное–

отказаться от решений XX и XXII съездов партии ¹⁷. Почему же ставится вопрос и о XXII съезде партии? Напомним, что в постановлении XXII съезда КПСС о Мавзолее В.И.Ленина от 30 октября 1961 года, говорилось о том, что нецелесообразным является «...дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В.Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И.Ленина» ¹⁸. Как в таком случае должны были реагировать китайские товарищи на это постановление ЦК КПСС? Крайне негативно, помня о роли И.В.Сталина в судьбах китайского народа. Этим, на наш взгляд, прежде всего и объясняется обострение отношений между КПК и КПСС, между КНР и советским правительством.

Вопросы о культе личности, о внутрипартийной демократии, о последствиях «большого скачка» и «народных коммун», стали предметом обсуждения в партии в 1959 году на VII и VIII пленумах ЦК КПК. Среди руководства партии уже наметились расхождения во взглядах по данным вопросам. На VIII пленуме ЦК КПК (август 1959 г.) с критическими замечаниями по данным вопросам выступили: член Политбюро ЦК КПК, министр обороны маршал Пэн Дэхуай; кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР, начальник канцелярии промышленности и коммуникаций Госсовета КНР Бо И-бо; кандидат в члены Политбюро ЦК КПК Чжан Вэнь-тянь; член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР, начальник канцелярии финансов и торговли Госсовета КНР Ли Сянь-нянь; член Политбюро ЦК КПК Чэнь Юнь; а также ряд партийных руководителей министерств и ведомств. Резолюции VII и VIII пленумов ЦК КПК свидетельствовали о серьезных разногласиях в партии. Обострение же началось тогда, когда в печати появились статьи с критикой курса Мао Цзэ-дуна и его соратников в 1967 году.

Как видим, задолго до «культурной революции» в КПК имело место расхождение во взглядах по ключевым вопросам внутренней и внешней политики партии. «Культурная революция» стала кульминационным пунктом этой борьбы. Она ничего общего не имела с сущностью культурной революции в соответствии с Ленинским планом построения социализма в стране, вставшей на этот путь развития. Обратим внимание на то, что в Предложениях VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства (1958–1962) было предусмотрено дальнейшее проведение в жизнь культурной революции, начатое с первых дней образования КНР, а именно «...энергично добиваться ликвидации неграмотности (курсив наш – Е.Г.) во всех районах страны, планомерно и последовательно проводить реформу письменности, постепенно создавать рабоче-крестьянские начальные и средние школы с обучением без отрыва от производства, обеспечивать неуклонное повышение культурного уровня масс рабочих и крестьян» ¹⁹.

Ни одна из этих задач не решалась на практике в ходе так называемой «Великой пролетарской культурной революции», принятой на IX пленуме ЦК КПК (август 1966 г.) Она была не культурной революцией, направленной на

дальнейшее развитие общеобразовательной, профессиональной и культурной подготовки населения страны, а на пропаганду обострения в стране классовой борьбы, на необходимость борьбы с ревизионизмом как среди членов партии внутри страны, так и на международной арене, прежде всего в рядах КПСС. Наличие классовой борьбы на ранней стадии строительства социализма, в странах только что вступивших на этот путь развития, никто из марксистов не отрицает. «Культурная революция» в Китае была направлена не против класса буржуазии, который был ликвидирован в ходе перерастания народно-демократической революции в социалистическую с образованием КНР, а против, прежде всего, тех руководящих кадров партии кто выступал, как в центральных, так и в местных органах партии и власти, против перегибов в ходе проведения «большого скачка» и «народных коммун».

Историю «культурной революции» большинство китайских ученых, – как пишут советские и китайские авторы в книге «Китай: история в лицах и событиях», – делят на три этапа. Первый этап с мая 1966 г. по апрель 1969 г. – наиболее активная фаза «культурной революции»; второй этап – с мая 1969 г. по август 1973 г. и третий – с сентября 1973 г. до октября 1976 года.²⁰ Остановимся кратко на их характеристике и основных идеях Мао Цзэ-дуна, связанных с «культурной революцией». Основные идеи Мао Цзэ-дуна о «культурной революции» были изложены им в мае 1966 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК, а в августе 1966 г. на XI пленуме ЦК КПК 8-го созыва. К этому времени Мао Цзэ-дун подготовил свое дацзыбао «Огонь по штабам!» Огонь по «буржуазным штабам» где, по его мнению, заседали люди, которые якобы стремились «реставрировать капитализм» и «насаждали ревизионизм». Начался разгром органов партии и власти в центре и на местах. Движущей силой «культурной революции» была незрелая в политическом отношении молодежь, из которой в мае 1966 г. формировались штурмовые отряды хунвэйбинов – «красных охранников». Бесчинства «красных охранников», репрессии с их стороны в отношении членов КПК, интеллигенции в сфере литературы и искусства, вызвали ответную реакцию со стороны передовой части рабочего класса и крестьянства. Поэтому в декабре 1966 г. наряду с отрядами хунвэйбинов, появились отряды цзаофаней (бунтарей) также из числа молодежи, но уже из числа рабочей среды, ее неквалифицированной части. Их основной задачей было перевести «культурную революцию» на предприятия и в учреждения, продолжая вести «огонь по штабам», то есть по органам партии, власти, общественных организаций. Состоявшийся в октябре 1968 г. XII пленум ЦК КПК (на нем присутствовало около трети состава ЦК, так как к этому времени остальные были репрессированы) санкционировал все акции «культурной революции» и исключил из партии на основе сфабрикованных обвинений Председателя КНР Лю Шао-ци. Началась подготовка к IX съезду КПК, который состоялся в апреле 1969 года. С основным докладом выступил «преемник» Мао Цзэ-дуна Линь Бяо. В своем докладе он представил всю историю партии как борьбу «линии Мао Цзэ-дуна» против различных «уклонистов», в том числе Ван Мина, Гао Гана, Пэн Дэхуая, и особенно Лю Шао-ци. IX съезд партии одобрил курс на «непрерывную революцию», то есть на продолжение «культурной революции».

Начался второй этап «культурной революции» от IX до X съезда КПК. Для него характерно обострение кризиса внутри китайского руководства. Начавшись в марте 1970 г. он в сентябре 1971 года привел к столкновению сторонников Мао Цзэ-дуна и Линь Бяо. На II пленуме ЦК КПК 9-го созыва «Линь Бяо и его сторонники попытались создать на II пленуме ЦК общественное мнение, способствующее захвату ими власти, – пишут китайские историки. – Потерпев неудачу, они разработали план государственного переворота. Однако Мао Цзэ-дун и Чжоу Эньлай разгромили этот заговор.²¹ В стране была развернута кампания «критики Линь Бяо и упорядочение стиля.²² X съезд КПК (август 1973 г.) не внес ничего нового в решение внутривластных проблем. Он снова признал правильной линию «культурной революции». На съезде Ван Хуньэнь был выдвинут на пост заместителя председателя ЦК партии. С его участием Цзян Цин создала «группу четырех» в Политбюро ЦК КПК.²³

Начался третий этап «культурной революции», завершившийся разгромом контрреволюционной «банды четырех» во главе с Цзян Цин. В «банду четырех» кроме Цзян Цин, Ван Хуньэня входили Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань. Важной задачей этой компании являлась борьба против тех представителей руководства КПК, которые отстаивали необходимость дальнейшего развития экономики, применив более рациональные методы управления народным хозяйством.

В Китае, с одной стороны, росло массовое недовольство трудящихся, рабочих и крестьян, а, с другой, в Китае развернулась новая политическая кампания борьбы с «лицами, облеченными властью и идущими по капиталистическому пути». Это, прежде всего, касается Дэн Сяопина и его сторонников. Завершился третий этап «культурной революции» со смертью Мао Цзэ-дуна 9 сентября 1976 г. в Пекине на 83-м году жизни. А с устранением от власти «четвертки» – Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хуньэня, наступил новый этап в развитии Китайской Народной Республики – этап строительства социализма с китайской спецификой, под руководством Дэн Сяопина.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вторая сессия VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (Пекин, 5–23 мая 1958 года) – М., 1958. – С.3.

² Там же. С.9.

³ Термин «народные коммуны» и по форме, и по содержанию нам напоминают термин «трудовые коммуны», введенный в оборот социалистом-утопистом Робертом Оуэном еще в XIX веке.

⁴ Сталин И.В. Головокружение от успехов. К вопросу о колхозном движении // Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. – М., 1947. – С.300.

⁵ Китайские товарищи рассматривали экономические реформы в Советском Союзе как *начало реставрации капитализма*, и, как видим, не без основания.

⁶ Ленин В.И. Государство и революция// Полн.собр.соч. – Т.33. – С.85.

⁷ Там же.

⁸ В работе «Диалектика общественной жизни» нами рассмотрена сущность и характерные черты высшей фазы коммунистической формации.//См.: Герасимов Е.Н. Диалектика общественной жизни. – Часть 2. – Глава 2. Сущность и характерные черты высшей фазы коммунистического общества. – К., 2007.

⁹ Маркс К. Критика Готской программы.// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т.19. – С.20.

¹⁰ См.: Новейшая история Китая 1917– 1970 гг. – М., 1972. – С.346.

¹¹ В конце 1958 г. были начаты эксперименты по созданию городских коммун. Эксперименты показали, что создание городских коммун оказалось громоздким и дорогостоящим. От организации городских коммун в 1958 – 1959 гг. руководство КПК вынуждено было отказаться.

¹² Предложения VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства (1958 – 1962 года). (Приняты VIII Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая 27 сентября 1956 года) // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15–27 сентября 1956 года). – М., 1956. – С.486.

¹³ Там же. С.487.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ярошенко Ю. «Большой скачок» и народные коммуны в Китае. – М., 1968. – С.13.

¹⁶ Владимиров О. Советско-китайские отношения в сороковых–восемидесятых годах. – М., 1984. – С.87.

¹⁷ См.: Капица М.С. КНР: два десятилетия – две политики. – М., 1969. – С.234.

¹⁸ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – Т.3. – М., 1962. – С.362.

¹⁹ Предложения VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства (1958 – 1962 года). (Приняты VIII Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая 27 сентября 1956 года) // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15–27 сентября 1956 года). – М., 1956. – С.501.

²⁰ См.: Китай: история в лицах и событиях. События. «Культурная революция» в Китае. – М., 1991; Капица М.С. КНР: два десятилетия – две политики. Глава V. «Культурная революция» и новый кризис политики. – М., 1969 и др.

²¹ См.: Китай: история в лицах и событиях. – М., 1991. – С.163.

²² По сообщениям китайской стороны, Линь Бяо 13 сентября 1971 г. погиб в авиационной катастрофе вблизи Ундэрхана на территории МНР, пытаясь после неудавшегося «переворота» укрыться за границей.// См.: Китай: история в лицах и событиях. – М., 1991. – С.163.

²³ Цзян Цин – жена Мао Цзэ-дуна. В ходе «культурной революции» с 1966 г. заняла видное место в пекинской иерархии, возглавив вместе со своим земляком Кан Шэном наиболее экстремистское крыло в пекинской иерархии.

VII

Идейно–политические взгляды Мао Цзэ-дуна (Мао Цзэ-дун – сторонник или противник марксизма-ленинизма?)

История вершится в жизни, в реальных условиях, конкретными людьми, а пишется в зависимости от времени, в котором живут люди, пишущие ее. Нам довелось писать, когда можно не предвзято подойти к освещению деятельности Мао Цзэ-дуна. Нами дана характеристика Мао Цзэ-дуна как выдающегося деятеля, который оставил глубокий след в истории Китая. Он активно участвовал в борьбе китайского народа за национальное освобождение страны и проведение народно-демократической революции, построение социализма в КНР в период с 1949 по 1957 год. Нами Мао Цзэ-дун показан как человек горячо любящий свою родину и свой народ.

Иной точки зрения придерживаются авторы, пишущие в так называемый хрущевско-брежневский период в Советском Союзе и странах социализма,¹ где Мао Цзэ-дун представлен как идейный и политический противник марксизма-ленинизма, а его идеи представляют субъективно-волюнтаристический взгляд в области философии, политической экономии и научного коммунизма. Идеология Мао Цзэ-дуна антинародна, антисоциалистична и по своему характеру разновидность: «азиатского», «буддистского», «африканского», «исламского» социализма.

В работе «Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма», подготовленной учеными-обществоведами социалистических стран, в том числе и научными сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института Дальнего Востока АН СССР сказано: «Маоизм прикрывается марксистско-ленинской фразеологией, но является враждебной ему идеологией. Маоизм противопоставляет марксистско-ленинской философии, политической экономии, научному коммунизму эклектическую смесь субъективно-волюнтаристических идей, которая играет утилитарную роль в обосновании авантюристической практики «казарменного коммунизма», политики великодержавного гегемонизма, великоханского шовинизма и антисоветизма»².

Во-первых, Мао Цзэ-дун не прикрывался марксистско-ленинской фразеологией, так как в этом не было никакой необходимости в 1937 г., когда он писал в Яньнэ лекции по философии. Во-вторых, поставим вопрос: Действительно ли взгляды Мао Цзэ-дуна по философии представляли эклектическую смесь субъективно-волюнтаристических идей, игравших утилитарную роль в его практической деятельности? Нет необходимости доказывать, что обвинения маоизма, а следовательно и Мао Цзэ-дуна, в субъективно-волюнтаристических идеях, играющих на практике утилитарную роль в обосновании великодержавного шовинизма и *антисоветизма*, если и касаются деятельности Мао Цзэ-дуна, то относятся к периоду, как мы уже знаем, проведения им «большого скачка», «народных коммун», и особенно во время проведения «культурной революции».

Деятельность Мао Цзэ-дуна в годы борьбы китайского народа за независимость, проведения народно-демократической революции и построения социализма в первые годы образования КНР, осуществлялось в соответствии с основными положениями теории марксизма-ленинизма, в частности, в политической экономии и научного коммунизма, так как корректировались ЦК ВКП(б) и лично И.В.Сталиным, а также Коминтерном. Остается открытым лишь вопрос об идейно-политических взглядах Мао Цзэ-дуна. Основывались ли они на диалектико-материалистическом мировоззрении Мао Цзэ-дуна или сущность его философских взглядов, как утверждают авторы указанной и других работ, составляла эклектика, метафизика и субъективизм? Ответ на поставленный вопрос следует искать в сопоставлении взглядов Мао Цзэ-дуна, изложенных им в известных нам работах, со взглядами авторов по данному вопросу советских ученых-обществоведов. За основу, кроме названной выше работы, нами взяты: статья подготовленная научными сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Института Дальнего Востока АН СССР «Маоизм – идеология и политика, враждебные марксизму-ленинизму» (См.: «Маоизм без Мао». – М., 1979); работы М.Алтайского и В.Георгиева «Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна» (1969), где раскрывается сущность философии маоизма: субъективный идеализм, эклектика, волюнтаризм; А.М. Румянцева «Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна» (1972) и др.

Анализируя указанные работы зададимся вопросом: кому понадобилось обрушить вал критики, более того подвергнуть разносу, далеко не фундаментальные произведения Мао Цзэ-дуна? («Относительно практики», «Относительно противоречия», «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», «Откуда у людей появились правильные идеи?»). «В общем, – как посчитал А.М.Румянцев, – все философское богатство Мао укладываются в 130 страниц брошюрного текста, написанных за тридцать лет»³. И вот против этого «философского богатства» Мао Цзэ-дуна Алексеем Матвеевичем Румянцевым издается в 1972 году «фундаментальный труд» на 380 страницах. «В книге, – как он пишет, – развенчиваются философские, экономические, социальные «идеи Мао» принесшие огромный вред китайскому народу»⁴. Ему вторят М.Алтайский и В.Георгиев, которые пишут об антимарксистской, антикоммунистической сущности философских взглядов Мао Цзэ-дуна.

К этому следует добавить, что эти 130 страниц Мао Цзэ-дун писал опираясь на работы по философии, опубликованные в Советском Союзе и критически их переосмысливал⁵. Это связано было с тем, что в 40-х годах среди ученых-обществоведов Советского Союза господствовала точка зрения, согласно которой закон единства и борьбы противоположностей трактовался односторонне. Источником развития социализма считалось *соответствие*, а не *противоречие*. Бытовало мнение, что положение В.И.Ленина об относительности *единства* и *абсолютности борьбы противоположностей* не приемлемо якобы в отношении стран социализма. К исследованию противоречий социализма относились с предубеждением, говорили о их разрушительной, а не созидательной силе. Оставался открытым вопрос и об основном противоречии социализма. Существовало множество определений

основного противоречия социализма. Так, например, Г.М. Штракс утверждал, что основное противоречие социализма – между обобществлением производства (производительных сил) и содержанием социалистической собственности; ⁶ М.Ф. Щербина считал, что основное противоречие – между непосредственно общественным присвоением средств производства и относительным экономическим обособлением социалистических предприятий; ⁷ Е.Г.Куделин обосновывал, что основное противоречие социализма – это противоречие между потребностями и производством, включая потребность в самом труде ⁸. Необоснованно противоречия квалифицировались на антагонистические и неантагонистические и т.п.

Если в 40-е годы в Советском Союзе господствовала точка зрения, согласно которой считалось, что источником развития при социализме является не противоречие, а соответствие, то это вероятно, и побудило Мао Цзэ-дуна к постановке вопроса «Относительно противоречия». В вопросе, касающемся определения основного противоречия социализма, не Мао Цзэ-дун, а наши ученые-обществоведы выступили с позиций эклектицизма, то есть, как видим, отсутствия единой точки зрения по данному вопросу.

При выделении основного противоречия социализма следует, на наш взгляд, исходить из того, что существует целостная и взаимосвязанная система противоречий в различных сферах жизнедеятельности общества. Поэтому основное противоречие должно быть связано со всеми этими сферами и противоречиями и как бы в обобщенном виде аккумулировало их. В этой связи, из всего многообразия точек зрения в отношении основного противоречия социализма наиболее полно отражает сущность основного противоречия, относящегося к коммунистической общественно-экономической формации, в том числе и к социализму как низшей фазе коммунизма, на наш взгляд, точка зрения А.М. Ковалева. Он считал, что «основным противоречием коммунистической формации выступает противоречие между тенденцией к безграничному всестороннему развитию человека, общества, заложенной в их внутренней сущности, и теми наличными материально-производственными условиями, через которые реализуется эта тенденция» ⁹. Аргументируя свою точку зрения, А.М.Ковалев утверждал, что исходным противоречием способа производства общественной жизни является противоречие между обществом и природой, или между естественной и социальной подструктурами общества. Из этого основного противоречия следует, считал он, что «коренной целью общественной жизни на всех этапах выступает воспроизведение и всестороннее развитие человеческого фактора» ¹⁰. Однако, на этапе предистории человеческого общества, то есть вплоть до становления коммунистической формации, как справедливо считает, на наш взгляд, А.М.Ковалев, речь могла идти лишь о создании условий социальной жизни, когда противоречие между производством и потреблением играло и продолжает играть первостепенную роль в общественном развитии вообще, при социализме в частности, как низшей фазе коммунистического общества.

Мы достаточно подробно остановились на данных вопросах по той простой причине, что для нас они, наряду со взглядами основоположников марксизма-ленинизма, являются методологической основой анализа содержания работ Мао Цзэ-дуна, а также и работ ученых-обществоведов

Советского Союза, рассматривающие взгляды Мао Цзэ-дуна по философии как антимарксистские по своей сущности. Анализ работ Мао Цзэ-дуна по философии и работ ученых-обществоведов Советского Союза, утверждавших, что взгляды Мао Цзэ-дуна по своей сущности носили антимарксистский характер, мягко говоря, не соответствуют действительности. Мао Цзэ-дун как в 30-е, так и в 40-е годы продолжал изучать труды классиков марксизма-ленинизма, и, как «примерный ученик», он высказывал свои соображения, выступая с лекциями, докладами, публикациями, в том числе и по вопросам марксистско-ленинской философии.

В чем же конкретно они усматривали антимарксизм в работах Мао Цзэ-дуна по философии? Оказывается в абсолютизации субъективного фактора, который «...неизбежно ведет к отказу от учета в практической деятельности объективных условий, стремлению «обойти» законы общественного развития, действовать независимо от этих законов и вопреки им, то есть к авантюризму и субъективизму в политике»¹¹. По их логике получается, что и национально-освободительная борьба китайского народа против империалистической агрессии и проведение народно-демократической революции, образование КНР – это все в Китае проходило вопреки законам общественного развития, на основе субъективно-авантюристической политики КПК и лично Мао Цзэ-дуна. Верно, надо отдать должное авторам, которые несколькими строками выше писали, что «это можно убедительно видеть в маоистских политических лозунгах и «установках» типа «большой скачок», «народные коммуны»... и «...из практики «культурной революции»¹². Против этого нет возражений, так как период с 1958 года – это период отхода Мао Цзэ-дуна от своих собственных идей и взглядов, свойственных ему до этого.

М.Алтайский и В.Григорьев непросто голословно обвиняют Мао Цзэ-дуна в субъективизме, но и пытаются это доказать на конкретных фактах соотношения между теорией и практикой, между духовной и материальной деятельностью людей и т.д. «В этой связи, – утверждают авторы, – движущей силой развития общества, по Мао Цзэ-дуну, является *не развитие производительных сил* (курсив наш – Е.Г.), которые в свою очередь определяют характер производственных отношений, а абстрактно трактуемые противоречия между производительными силами и производственными отношениями, противоречия между классами, противоречия между новым и старым»¹³.

Во-первых, что означает «абстрактно трактуемые противоречия»? Ответа на данный вопрос нет. Во-вторых, на каком основании авторами делается заключение о том, что по Мао Цзэ-дуну не развитие производительных сил, а производственные отношения являются движущей силой общества? На наш взгляд, для этого нет никаких оснований. Это расходится с генеральной линией коммунистической партии Китая на переходный период, где в основе построения социализма в КНР лежит индустриализация страны на базе развития как тяжелой, так и легкой промышленности.¹⁴ Не убедительным является и ссылка на Мао Цзэ-дуна якобы в том, что он исходит из решающей роли производственных отношений в системе способа производства. Приведем высказывания Мао Цзэ-дуна по данному вопросу полностью, а не в урезанном виде, как это делают авторы. Мао Цзэ-дун писал: «С точки зрения материалистической диалектики изменения в природе обуславливаются

главным образом развитием ее внутренних противоречий (курсив наш, так как эти слова опускаются авторами), а изменения в обществе обуславливаются главным образом развитием противоречий внутри общества, то есть противоречия между *производительными силами и производственными отношениями* (курсив наш – Е.Г.), противоречий между классами, противоречий между новым и старым. Развитие этих противоречий двигает общество вперед, приводит к смене старого общества новым»¹⁵. Что в этих словах Мао Цзэ-дуна противоречит материалистической диалектике, марксизму-ленинизму в целом? Ничего. Диалектико-материалистический подход Мао Цзэ-дун проявляет и при освещении двух воззрений на мир: метафизического и диалектического; при решении вопроса о саморазвитии, самодвижении вещей и явлений как в природе, так и в обществе.

Не отстает в этом отношении от М.Алтайского и В.Григорьева и А.М.Румянцев. Он обвиняет Мао Цзэ-дуна в механистическом, а не диалектическом понимании противоречий. Механистический подход, а не диалектический в понимании противоречий Мао Цзэ-дуном он усматривает в том, что между производительными силами и производственными отношениями происходят не взаимовлияние сторон, а в том, что стороны меняются местами, «...то производительные силы выступают в качестве главной стороны и определяют экономический строй общества, то производственные отношения занимают их место. Антимарксистский характер, – заключает А.М.Румянцев, – в такой концепции очевиден»¹⁶. Действительно, в данном случае механистический, антимарксистский подход очевиден, но соответствует ли он взглядам Мао Цзэ-дуна в полном объеме как не диалектико-материалистический, а антимарксистский, механистический? Ссылка на работу Мао Цзэ-дуна «Относительно противоречия» не убедительна.

А.М.Румянцев начинает с утверждения, что «вопрос о превращении различных сторон противоречия одной в другую – принципиальный пункт в «идеях Мао Цзэ-дуна». Из него он делает далеко идущие теоретические и практические выводы. Предвидя возражения своей точки зрения, Мао заранее вступает в полемику.¹⁷ Мао Цзэ-дун действительно вступает в полемику, отстаивая точку зрения сторонников диалектического, а не механистического материализма. Мао Цзэ-дун поэтому повсюду писал: «Кое-кто полагает, что существуют такие противоречия, на которые это положение вовсе не распространяется; например, если в противоречии между производительными силами и производственными отношениями главная сторона – производительные силы, в противоречии между теорией и практикой главная сторона – практика, в противоречии между экономическим базисом и надстройкой главная сторона – экономический базис, то положение сторон якобы взаимно не меняются. Это – понимание, свойственное механистическому, а не диалектическому материализму»¹⁸. Алексей Матвеевич Румянцев поступает, на наш взгляд, не корректно, когда опускает далее слова касающиеся его диалектико-материалистических, а не метафизических, механистических взглядов по данному вопросу. Мао Цзэ-дун далее пишет: «Разумеется, производительные силы, практика и экономический базис вообще выступают в главной, решающей роли, и *кто этого не признает, тот не материалист* (курсив наш – Е.Г.). Однако необходимо также признать, что в

определенных условиях (курсив наш – Е.Г.) и производственные отношения, теория и надстройка, в свою очередь, выступают в главной, решающей роли. Когда без изменения производственных отношений производительные силы не могут развиваться дальше, изменение производственных отношений начинает играть главную, решающую роль. Когда, говоря словами Ленина, «без революционной теории не может быть и революционного движения», тогда создание и распространение революционной теории начинают играть главную, революционную роль»¹⁹. Мао Цзэ-дун, с одной стороны, исходил из всеобщего характера противоречия, его специфической формы проявления, а с другой, – из различных форм проявления материи, классифицирует их на главные и неглавные.²⁰ Мао Цзэ-дун задает вопрос: «Грешат ли эти положения против материализма?» И отвечает: «Нет, не грешат». К этому заявлению Мао Цзэ-дуна и мы склоняемся. Эти положения не грешат «потому что мы, – писал Мао Цзэ-дун, – признаем, что в общем ходе исторического развития материальное начало определяет духовное, общественное бытие определяет общественное сознание, но одновременно мы признаем, и должны признавать, обратное воздействие духовного начала на материальное, обратное воздействие общественного сознания на общественное бытие, обратное воздействие надстройки на экономический базис. Этим мы не грешим против материализма, а, отвергая механистический материализм, отстаиваем материализм диалектический»²¹. Как говорят в таком случае, комментарии излишни. Сопоставляя взгляды Мао Цзэ-дуна, изложенные им в работе «Относительно противоречия», касаясь лишь одной стороны вопроса, по терминологии А.М.Румянцева, «теории противоречий», с работами советских ученых-обществоведов, оно (сопоставление) оказывается не в пользу их, а Мао Цзэ-дуна.

Авторы работ: «Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма», М.Алтайский и В.Григорьев «Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна» и А.М.Румянцев «Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна»» – свой огонь критики взглядов Мао Цзэ-дуна сосредоточили на двух последних разделах работы Мао Цзэ-дуна – «Тождество и борьба противоположностей» и «Место антагонизма в ряду противоречий». Данные проблемы, и это необходимо подчеркнуть, не нашли должного освещения в нашей литературе по философии и Мао Цзэ-дун посчитал своим долгом восполнить данный пробел.

Заслугой Мао Цзэ-дуна является то, что он один из первых обратил внимание на высказывание В.И.Ленина в «Философских тетрадах» о том, что «*диалектика* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, – при каких условиях они бывают тождественными, превращаясь друг в друга, – почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»²². В.И.Ленин на поставленные им вопросы не дает ответа. Мао Цзэ-дун предпринимает попытку дать ответ на вопрос: как могут быть тождественными противоположности? «Да в силу того, – отвечает Мао Цзэ-дун, – что их существование взаимно обусловлено»²³. Это с одной стороны, и у нас не вызывает сомнения. А с другой, он считает, что тождество противоположностей предполагает «...каждая из присущих явлению

двух противоречивых сторон в определенных условиях превращается в свою противоположность, переходит в то положение, которое занимает противоположная ей сторона »²⁴. Второе значение понятия «тождество противоположностей» (по Мао Цзэ-дуну) как у нас, так и у его критиков из числа авторов вышеуказанных работ, вызывает протест, несогласие. Авторы работы «Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма» считают, что «Мао Цзэ-дун трактует противоречие как механическое противопоставление внешних противоположностей»²⁵. И в этом есть нечто заслуживающее внимание.

М.Алтайский с В.Григорьевым также считают, что «Мао Цзэ-дун, – пишут они, – по существу трактует противоречие как механическое, внешнее противопоставление»²⁶. А.М.Румянцев по этому поводу писал: «Из многочисленных высказываний Мао следует, что классическим примером диалектических противоречий он считает любую пару противоположных понятий. Так, например, иллюстрируя тезис, что стороны противоречия тождественны, он пишет: «Дело в том, что противоречивые стороны не могут существовать изолированно друг от друга... Без жизни нет смерти; без смерти нет жизни. Без верха нет низа; без низа нет верха. Без беды нет счастья; без счастья нет беды. Без легкого нет трудного; без трудного нет легкого»²⁷. Завершив перечень противоположностей Мао Цзэ-дун делает заключение, что «так обстоит дело со всеми противоположностями». И далее он продолжает, что, на наш взгляд, существенно важно: «В определенных условиях они, с одной стороны, противостоят друг другу, а с другой – взаимно связаны, взаимно пронизываются, взаимно проникаются, взаимно зависят. Это и называется тождеством. Всем противоречивым сторонам в определенных условиях свойственно *не-тождество* (курсив наш – Е.Г.), поэтому они и называются противоположностями»²⁸. Всем противоречивым сторонам, противоположностям свойственно или тождество, или не-тождество. С этим трудно не согласиться по той простой причине, что мы, исследуя общество как саморазвивающуюся систему, пришли к выводу о необходимости обоснования принципа тождества противоположностей в познании общества и прогнозировании его развития.²⁹

Обоснование принципа тождества противоположностей осуществлялось нами сначала на уровне научной абстракции, с тем чтобы в последующем перейти к его применению на практике при исследовании исторических этапов в развитии общества. В этой связи, как и Мао Цзэ-дуну, нам предстояло ответить (на основе принципа «тождества противоположностей») на вопросы, поставленные В.И.Лениным: «...Как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, – при каких условиях они бывают тождественными, превращаясь друг в друга...»³⁰. Если кратко, то тождество противоположностей (между обществом и природой) имело место в условиях архаической общественной формации, но по мере дальнейшего развития материального производства, а с ним и роста материальных благ, происходила смена форм производства и потребления (в экономической сфере), классовое расслоение общества (в социальной сфере), а вместо взаимоотношений сотрудничества и взаимопомощи устанавливались отношения господства и подчинения (в политической сфере). Происходит отрицание тождества

противоположностей между обществом и природой, свойственное архаической общественной формации, и утверждается, по терминологии Мао Цзэ-дуна, *не-тождество*, то есть то, что присуще экономической общественной формации³¹. Не-тождество, например, между производством и потреблением имело место при строительстве социализма и в Китае. И если на начальной стадии строительства социализма, по мере индустриализации страны, кооперирования сельского хозяйства и проведения курса на более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей китайского народа, снятие противоречия между производством и потреблением решалось удовлетворительно, то есть переход от не-тождества к тождеству, то этого не скажешь по отношению к периоду так называемой «коммунизации» китайского общества в условиях проведения в Китае «большого скачка», «народных коммун» и «культурной революции».

Классифицируя противоречия на тождественные и не-тождественные, Мао Цзэ-дун, на наш взгляд, не в полной мере уяснил для себя в чем же различие между внутренней и внешней диалектикой, а, следовательно, между внутренней и внешней стороной его проявления. «Внутренняя противоречивость вещи, – пишет В.А. Босенко, – собственно, и заключается в ее *противоположности самой себе* (курсив наш – Е.Г.)»³², а не к другой вещи. Неслучайно Валерий Алексеевич Босенко не в адрес, конечно, Мао Цзэ-дуна, а в адрес наших ученых-обществоведов, восклицал: «Осторожно, – внешняя диалектика!» И не вина Мао Цзэ-дуна, если «почти в любом учебном пособии по диалектике суть противоречивости, – как утверждает В.А.Босенко, – сводят к поискам противоположных сторон в предмете, строя все это на *внешних* (курсив наш – Е.Г.) основаниях»³³. Надо полагать, с некоторыми учебными пособиями по диалектике Мао Цзэ-дун был знаком, что и наложило определенный отпечаток на его взглядах по данному вопросу – вопросу тождества противоположностей. Нам ничего не остается как привести в полном объеме высказывание В.А.Босенко, который ссылаясь на Ф.Энгельса и В.Ленина, раскрывает суть понятия «тождество противоположностей». Он писал: «Противоположности, составляющие внутреннюю противоречивость, выступают как одно в другом, через другое и для другого. Но не в рядоположенности, а во взаимопроникновении, и не в смысле взаимной инфильтрации внешних различных сущностей, а как внутреннее раздвоение единого.

Не зря Ф.Энгельс «...взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, когда они доведены до крайности ...»(Энгельс Ф. Диалектика природы. – Маркс К.,Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.20, с.343), называет законом диалектики. Т.е. то, что в нынешней формулировке звучит как закон единства и борьбы противоположностей, есть «закон взаимного проникновения противоположностей» (Там же. с.384). Говоря словами В.И.Ленина, «диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*» (Ленин В.И. Философские тетради. – Полн.собр.соч.,т.29, с.98).

Выражение «тождество противоположностей» смущает многих тем, что по привычке мыслится здесь ударение на слове «*тождество*», да еще и в рассудочном значении как формального тождества. «Противоположности» в

этом случае представляются как нечто пассивное, как что-то такое, с чем проделывают объединение, а не как борющиеся и через борьбу и взаимоисключение доходящие до тождества, реализующие тождество противоположности. В сущности же то, что называется тождеством противоположностей, в диалектическом понимании есть истинная *борьба* противоположностей. И в этом смысле, можно сказать, тождество тем большее, чем интенсивнее борьба. Недаром высшее тождество достигается в момент наивысшего уровня борьбы – в момент разрешения противоречий»³⁴.

Не понимание диалектики в полном объеме Мао Цзэ-дуном, а именно, в вопросах внутренней и «внешней» диалектики, вело к тому, что внутреннюю противоречивость он (естественно неосознанно) подменял внешней. Отметим, что отличие «внутренней противоречивости» от «внешней» состоит в том, что в первом случае мы имеем дело с противоположностями одной и той же сущности, а во втором, напротив, противоположностями выступают различные сущности. Первые являются подлинно диалектическими, а вторые представляют не противоположности, а крайности, они противоположны друг другу по своей сущности. Например, антагонизм, где крайности доведены до взаимоисключения, вплоть до взаимоуничтожения. Это (антагонизм) результат внешней противоположности. На этой основе, как уже отмечалось, противоречия в нашей философской литературе необоснованно классифицировались на антагонистические и неантагонистические. Это нашло отражение в «Философской энциклопедии», где сказано: «Антагонистическое противоречие – одна из форм противоречий, специфич. для способов произ-ва и всех общественных отношений эксплуататорского классового общества, разрешаемая путем социальной революции»³⁵.

В годы советской власти исследованию антагонистических и неантагонистических противоречий, особенно неантагонистических противоречий в период строительства социализма, было уделено достаточно внимания. Возьмем, в качестве примера, работу В.Козловского «Антагонистические и неантагонистические противоречия», представляющую для нас определенный интерес. Он, по аналогии с Мао Цзэ-дуном, считает, что «...при изучении любого процесса, если в нем содержится несколько противоречий, следует определить главное противоречие, причем главное противоречие на данном этапе развития может стать противоречием неглавным на следующем этапе развития, а противоречие неглавное, наоборот, может сделаться главным»³⁶. То, что В.Козловский своими словами передает содержание взглядов Мао Цзэ-дуна в отношении главного и неглавного противоречий, не вызывает сомнения. Он сам, со ссылкой на Мао Цзэ-дуна, пишет о том, что «в полуколониальных странах, например, отношения между главным и неглавным противоречиями могут быть очень сложными. В случае агрессивной войны империалистов против полуколониальной страны ..., различные ее классы, за исключением небольшой кучки национальных предателей, могут временно сплотиться для ведения национальной войны против империализма. Главным противоречием в такой ситуации будет противоречие между империализмом и данной страной, а все противоречия между различными классами внутри страны временно отступят на второй план»³⁷.

Классифицируя противоречия на антагонистические и неантагонистические, подчеркивая их различие по формам, методам и характеру разрешения противоречий, В.Козловский следующим образом определяет антагонистические и неантагонистические противоречия: « Антагонистические противоречия в общественной жизни – это противоречия, выражающие непримиримые классовые интересы, противоречия, существующие между враждебными классами, с противоположными интересами и целями»³⁸, а «неантагонистические противоречия – это противоречия между дружественными классами общества, противоречия, которые перекрываются общностью коренных классовых интересов»³⁹.

Не вина Мао Цзэ-дуна, что после таких «убедительных доказательств», относительно антагонистических и неантагонистических противоречий, он не усвоил, что антагонизм – это вообще не противоречие, и не просто противоположности, а крайности, доведенные до абсолютного взаимоисключения. Это продукт, как уже отмечалось, внешней противоположности, стороны которой находятся в состоянии абсолютного взаимоотношения, взаимоотношения. При социализме антагонизм исчезает, а противоречие остается как движущая сила развития социалистического общества. Не увидев, что антагонизм – это вообще не противоречие, как это не парадоксально звучит, но именно это сказалось при написании Мао Цзэ-дуном работы «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа». Это была речь Мао Цзэ-дуна, произнесенная им 27 февраля 1957 года на II-м расширенном заседании Верховного государственного совещания. В ней Мао Цзэ-дун говорил о двух неодинаковых по своему характеру типах противоречий – «это противоречия между нами и нашими врагами и противоречия внутри народа...Противоречия между нами и нашими врагами являются антагонистическими противоречиями. Противоречия внутри народа, если говорить о противоречиях между трудящимися, являются неантагонистическими, а если говорить о противоречиях между эксплуатируемыми классами и эксплуататорскими классами, то, кроме антагонистической стороны, они имеют неантагонистическую сторону»⁴⁰.

Все было бы верно, если бы речь шла об антагонизме, а не об антагонистических противоречиях. Антагонизм и противоречие вовсе не одно и то же. Напомним, то что зовется антагонизмом в диалектическом понимании не то, что противоречие. Уничтожается антагонизм, в частности в Китае, по мере перерастания народно-демократической революции в социалистическую, в результате урегулирования взаимоотношений, как мы видели, между трудом и капиталом на частно-капиталистических предприятиях, путем преобразования массы мелких частных предприятий и национального капитала, через государственный капитализм в социалистический сектор экономики. Остаются при социализме противоречия, составляющие противоположности одной и той же сущности, предполагающие друг друга. Таковыми, например, при социализме являются противоположности: производительные силы и производственные отношения, производство и потребление и т.д.

В работе «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» Мао Цзэ-дун затронул не только вопрос о типах противоречий, но и о путях индустриализации страны, о кооперировании сельского хозяйства, о

промышленности и торговли, о режиме экономии. Вместе с тем он коснулся и необходимости искоренения контрреволюционеров, с одной стороны, и перевоспитания интеллигенции, промышленников и торговцев – с другой, формируя у них пролетарское, коммунистическое мировоззрение. Речь была положительно воспринята партийным активом. Лю Шао-ци, выступая с отчетным докладом о работе Центрального Комитета КПК на второй сессии VIII Всекитайского съезда партии 5 мая 1958 года подчеркнул, что «внутри нашей страны в ходе движения за упорядочение стиля, развернутого под руководством партии в соответствии с выдвинутым товарищем Мао Цзэ-дуном курсом на *правильное разрешение противоречий внутри народа* (курсив наш – Е.Г.), уже достигнуты, как все вы видите, великие успехи на политическом, экономическом, идеологическом, культурном фронтах»⁴¹. Верно только не в результате правильного разрешения противоречий внутри народа, а на основе широкого участия народных масс в реализации на практике генеральной линии партии в деле индустриализации страны, кооперирования сельскохозяйственного производства, проведения культурной революции.

Лю Шао-ци в отчетном докладе остановился и на борьбе в рядах партии с догматизмом и эмпиризмом. До этого Пэн Дэхуай на первой сессии VIII съезда КПК отметил, что начиная «с 1931 года в партии господствовал догматизм, который привел к серьезным «левым» оппортунистическим ошибкам как в политической, так и в военной линии...»⁴². К догматикам в тот период Мао Цзэ-дун прежде всего относил Бо гу, Ван Мина, Ли Ли-сяня, Ло Фу и др. «Под «догматиками», – пишет П.П.Владимиров, – Мао Цзэ-дун понимает коммунистов, учившихся в СССР и ответственных в партии за политическую работу, а также партийную интеллигенцию, опирающуюся в своей работе на опыт ВКП(б)»⁴³. Надо сказать, что для этого у Мао Цзэ-дуна были основания. Он ставит вопрос: «Почему слепо копируют чужое?» И отвечает: «Именно из-за того, что не разбираются в диалектике. Советский Союз имеет свои, советские методы; советский опыт – это одна сторона, практика Китая – другая сторона»⁴⁴. И в этом есть глубокий смысл, так как нельзя механически переносить вопросы теории и практики, сформулированные для одних условий, в другие конкретно-исторические условия.

Это не утратило своей истинности и спустя двадцать с лишним лет, если Лю Шао-ци в отчетном докладе ЦК КПК говорит, что «вся партия должна научиться применять теорию марксизма-ленинизма в практической работе, применять материализм и диалектику в практической работе, последовательно бороться с догматизмом и эмпиризмом. *Догматизм и эмпиризм – субъективистские и метафизические вещи* (курсив наш – Е.Г.), оторванные от действительности, оторванные от масс»⁴⁵. Обратим внимание – «догматизм» – это «метафизическая вещь». Лю Шао-ци, на наш взгляд, близок был к пониманию сущности гносеологических корней возникновения догматизма. Нами догматизм определяется как «...разновидность метафизического метода познания объективной действительности, который состоит в восприятии того или иного учения, положения, теории и т.д. как законченной истины, независимо от конкретно-исторических условий ее проявления»⁴⁶.

Мао Цзэ-дун же в работе «Относительно практики», которая «...была написана для того, чтобы с позиций марксистской теории познания разоблачить

субъективистские ошибки сторонников догматизма и эмпиризма – в особенности догматизма – в нашей партии»⁴⁷, термин «догматизм» он в своей работе не употребляет. Вместо него употребляет термин – «консерватизм»⁴⁸. Консерваторы, как и догматики, не умеют уловить нарождающееся новое, а потому отстаивают все старое, отжившее, не соответствующее объективной действительности. «...Одностороннее понимание развития, абсолютизация какой-то одной стороны процесса познания неизбежно, – писали мы, – ведет людей к догматизму. Оказавшись в лоне догматизма, они не чувствуют потребности заменить старое, отжившее новым, а отстаивают старые тезисы, теории, взгляды, которые были истинными в одних исторических условиях и утратили свою истинность в результате изменения действительности»⁴⁹. Консерваторы-догматики механически переносят вопросы теории и практики, что свойственно было ряду китайских товарищей в партии, сформулированных для одних условий – Советского Союза – в другие конкретно-исторические условия – условия Китая. В этой связи Мао Цзэ-дун писал: «Мы боремся против консерваторов в наших революционных рядах, так как их идеи не идут в ногу с изменяющейся объективной обстановкой, что проявлялось в истории в виде правого оппортунизма. Эти люди не видят того, что борьба противоречий уже продвинула объективный процесс вперед, а их познание все еще стоит на прежней ступени. Эта особенность свойственна идеям всех консерваторов. Их идеи *оторваны от общественной практики* (курсив наш – Е.Г.), они не могут возглавлять движение общества и выполнять роль его проводника, они способны лишь плестись в хвосте за ним, роптать на то, что оно идет вперед слишком быстро, и пытаться потащить его назад, повернув колесо истории вспять»⁵⁰.

Что можно сказать по данному поводу? Только одно, Мао Цзэ-дун прав в том, что «...необходимо вести упорную борьбу, – писали и мы, – и против отрыва теории от практики, и против устаревшей практики, которая в новых условиях тормозит прогресс»⁵¹. Мао Цзэ-дун прав и в том, когда он утверждает «...что только общественная практика людей может быть критерием истинности знаний человека о внешнем мире»⁵². При этом он ссылается на В.И.Ленина, который писал: «**Практика выше (теоретического) познания**, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»⁵³. В.И.Ленин постоянно подчеркивал единство теории и практики в теории познания. Он считал, что в познании объективной действительности одинаково вредны как чрезмерный отрыв теории от практики, так и узкий практицизм. И то и другое может привести к догматизму. Однако, более характерным для догматизма, а по терминологии Мао Цзэ-дуна, для консерватизма, является отрыв теории от практики. «Теория познания диалектического материализма ставит практику, – пишет Мао Цзэ-дун, – на первое место, считая, что человеческое познание ни в малейшей степени не может отрываться от практики, отвергая все ошибочные теории, отрицающие важность практики и отрывающие познание от практики»⁵⁴. Далее Мао Цзэ-дун переходит к освещению теории познания, в частности, к диалектике чувственного познания и познания рационального, относительного и абсолютного в познании истины, абстрактного и конкретного. По всем этим

вопросам он обращается к работам В.И.Ленина: «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради». Именно в этих работах В.И.Лениным рассматриваются вопросы о том, что такое объективная истина, соотношение абсолютной и относительной истины, принцип единства теории и практики и так далее. Ссылки Мао Цзэ-дуна на марксизм, на марксистскую философию и ее основоположников К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина с точки зрения наших ученых-обществоведов, как мы уже знаем, ничто иное как «прикрытие марксистско-ленинской фразеологией» его антимарксистских взглядов.

В чем же они усматривают антимарксизм во взглядах Мао Цзэ-дуна? Прежде всего: в механистически-метафизическом извращении основных положений диалектики; рассмотрение вопросов теории познания с антимарксистских позиций и в искаженном представлении понятия «практика»⁵⁵. Остановимся на обвинении Мао Цзэ-дуна в искажении им якобы представления о понятии «практика». Так в чем же суть искажения понятия «практика»? Во-первых, оказывается в том, «...что вся практическая деятельность людей сводится только к классовой борьбе...»⁵⁶. Мао Цзэ-дун действительно много внимания уделял классовой борьбе, так как она была актуальной в тех конкретно-исторических условиях Китая. Шла борьба за национальное освобождение страны от империалистической агрессии, осуществлялась на практике народно-демократическая революция в стране. В теории и на практике Мао Цзэ-дун на первое место ставит не классовую борьбу, а производственную деятельность людей. Он пишет: «Марксисты прежде всего считают, что производственная деятельность людей является самой основной их практической деятельностью, определяющей всякую другую деятельность»⁵⁷. И далее он продолжает: «Общественная практика людей не ограничивается одной лишь производственной деятельностью, а имеет еще многие другие формы: классовая борьба, политическая жизнь, деятельность в области науки и искусства...»⁵⁸. Таким образом, классовая борьба – производное от производственной деятельности людей, а производственная деятельность, как мы знаем, обусловлена сложившимися социально-экономическими и политическими отношениями в обществе. В этих высказываниях Мао Цзэ-дуна мы не видим того, что не соответствует марксизму-ленинизму.

Во-вторых, не соответствует действительности, как было показано нами выше, и утверждение о том, что «из понятия практики, выпадает ее объективная материальная сторона» и таким образом, «...происходит деформация самого понятия практики как явления, представляющего единство объективного и субъективного»⁵⁹. Разве же не о диалектике субъекта и объекта, объективного и субъективного говорит Мао Цзэ-дун, когда он пишет: «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин смогли создать свою теорию не только благодаря своей гениальности, но и главным образом потому, что они принимали личное участие в имевшей в то время место практике классовой борьбы и научных экспериментов...»⁶⁰. Напомним, в работе «Относительно противоречия», Мао Цзэ-дун достаточно убедительно писал о диалектике материального и духовного, бытия и сознания, отвергая механистический материализм и обосновывая материализм диалектический⁶¹. Замысел авторов,

фальсифицирующих взгляды Мао Цзэ-дуна по вопросам практики, становится очевидным, когда читаешь: «Практика превращается им в субъективную сферу, где процветают волюнтаризм и субъективизм подобно «большому скачку», «народных коммун» и «культурной революции»...»⁶². Если субъективно-волюнтаристическая деятельность Мао Цзэ-дуна и имела место, то это действительно относится к периоду проведения «большого скачка», «народных коммун» и «культурной революции», то есть к периоду с 1958 по 1976 год. С 1918 по 1957 год – это период в деятельности Мао Цзэ-дуна, как это было показано нами, связан с борьбой китайского народа за независимость, с проведением народно-демократической революции, образованием КНР и построением социализма в стране, где Мао Цзэ-дун принимал самое непосредственное участие. В своей деятельности в указанный период он руководствовался марксизмом-ленинизмом и не был его идейным и политическим противником, как это пытаются доказать авторы в только что рассмотренной нами работе «Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма».

При доказательстве того, что Мао Цзэ-дун не является противником марксизма-ленинизма, а, напротив, является его сторонником, мы продолжим рассуждение на эту тему, опираясь, как уже нами принято, на работы М.Алтайского и В.Георгиева «Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна» и на работу А.М.Румянцева «Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна». М.Алтайский и В.Григорьев обвиняют Мао Цзэ-дуна «...в метафизическом понимании практики как критерия истины»⁶³. На каком основании? А на том, что Мао Цзэ-дун «...проверку истинности полученных знаний он рассматривает как *однократный акт*, а не как диалектический процесс»⁶⁴. Соответствует ли это утверждение взглядам Мао Цзэ-дуна? Нет, и еще раз нет. В работе «Относительно практики» Мао Цзэ-дун писал: «Марксисты считают, что производственная деятельность человеческого общества развивается шаг за шагом от низших ступеней к высшим, поэтому знания людей как в отношении природы, так и в отношении общества также развиваются шаг за шагом от низших ступеней к высшим, то есть от простого к сложному, от одностороннего к многостороннему»⁶⁵. Скажите, что это метафизический или диалектический подход в развитии как природы, так и общества? Бесспорно, диалектический.

Неубедительно звучит и утверждение, что «эта прагматическая черта маоизма проявляется и в том, что сама теория рассматривается не как наука, не как руководство к действию, методологическая основа выработки правильных стратегии и тактики, политики и лозунгов, а узкоутилитарно, как средство достижения определенных целей, как «инструмент»⁶⁶. Иными словами, авторы обвиняют Мао Цзэ-дуна в упрощенном подходе к теории; к пониманию взаимоотношения теории и практики, в эмпиризме трактовки познания и практики. «Эмпиризм Мао в трактовке вопроса о соотношении познания и практики, познания и опыта можно видеть, – пишут авторы, – из его следующего утверждения: «Познание начинается с опыта – это и есть материализм теории познания»⁶⁷. На этом основании ими делается заключение: «...Мао Цзэ-дун не видит различия между материализмом и идеализмом в трактовке опыта как исходной точки познания»⁶⁸. В абсурдности этого

обвинения мы убедимся, если не ограничимся только фразой, приведенной из работы Мао Цзэ-дуна «Относительно практики», а продолжим его рассуждения на эту тему. Мао Цзэ-дун писал: «Все то, что, возникнув в процессе познания на базе практики, подверглось научной переработке, как говорил Ленин, глубже, правильнее, полнее отражает объективный мир. Именно этого не понимают узколобые деятели: они *преклоняются перед опытом и игнорируют теорию* (курсив наш – Е.Г.), вследствие чего не могут охватить объективный процесс в целом, им недостает ясности ориентировки, они лишены широкой перспективы, они упиваются своими случайными успехами и поверхностными представлениями»⁶⁹. Это сказано, Мао Цзэ-дуном, страницей выше. Что ни читали это авторы М. Алтайский и В. Григорьев? Читали, но в их планы входило показать метафизическое, а не диалектическое понимание Мао Цзэ-дуном практики.

В работе А.М. Румянцева «Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна», автор фактически не затрагивает вопросы связи познания и практики, что Мао Цзэ-дуном положено в основу написания статьи «Относительно практики». Обвинения в субъективизме, А.М. Румянцев начинает с того, что «в философии Мао общественное сознание в конечном счете выходит на позиции определителя общественного бытия. Особенно отчетливо это выражено в его концепции соотношения практики и теории. Ведь эта проблема в конечном счете, – пишет он, – сводится к более общей проблеме соотношения общественного бытия и общественного сознания. Мао всюду постулирует (обратите на это внимание – Е.Г.), что главной стороной выступает практика, что *первично бытие* (курсив наш – Е.Г.). Однако, следуя за его рассуждениями, казалось бы вытекающими из постулатов, приходишь к выводу, что в конечном счете *на первый план Мао выдвигает сознание* (курсив наш – Е.Г.).

Соотношение теории и практики он (Мао Цзэ-дун – Е.Г.) сводит к механистическому чередованию доминирования противоборствующих сторон: «практика – познание, вновь практика и вновь познание». По этой схеме, – считает А.М. Румянцев, – получается, что практика и познание *разорваны во времени* (курсив наш – Е.Г.), люди то занимаются «практикой», то «познанием»⁷⁰. На эти обвинения Мао Цзэ-дун отвечает кратко, но убедительно: «Истинность знания или теории определяется не субъективной оценкой, а результатами объективной общественной практики»⁷¹. Мы ограничиваемся данной фразой Мао Цзэ-дуна, так как выше нами было достаточно сказано в его диалектико-материалистическом, а не метафизическом и идеалистическом подходе, как это утверждает А.М. Румянцев.

И совсем не корректным, со стороны А.М. Румянцева, является выдвинутое им обвинение, что «практика в маоистском понимании фактически оказалась сведенной к физическому труду», и что «в этом Мао видит также и ликвидацию противоположности между умственным и физическим трудом»⁷². Обвинения, выдвинутые А.М. Румянцевым, не соответствуют действительности. В вопросах соответствия общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки, теории и практики Мао Цзэ-дун исходил не из метафизического, а диалектико-материалистического метода познания. Обвинение же в том, что практика оказалась сведенной к физическому труду, если и соответствует действительности, то это касается не

столько Мао Цзэ-дуна, сколько тех кто претворял в жизнь его идеи «большого скачка» и особенно «народных коммун».

Приступая к освещению идейно-политических взглядов Мао Цзэ-дуна, нами был поставлен вопрос: является ли Мао Цзэ-дун сторонником или противником марксизма-ленинизма? При ответе на поставленный вопрос мы исходили из того, что в деятельности Мао Цзэ-дуна имело место два периода. Первый – с 1918 по 1957 год – период активной деятельности по претворению в жизнь идей Мао Цзэ-дуна, связанных с борьбой китайского народа за национальное освобождение страны, проведения народно-демократической революции и построения социализма в Китае под его руководством. Второй – с 1958 по 1976 год. Этот период связан с субъективно-волюнтаристическими ошибками в деятельности Мао Цзэ-дуна, выразившиеся в проведении на практике в стране «большого скачка», «народных коммун», «культурной революции». Если для первого периода характерно тесное сотрудничество между Советским Союзом и Китаем, то этого не скажешь относительно второго периода. Именно в этот период в Советском Союзе и странах социализма была развернута не критика, а борьба, по терминологии хунвэйбинов, с «Мао Цзэ-дун – идеями», то есть с маоизмом. В этой борьбе Мао Цзэ-дун был представлен как: авантюрист, волюнтарист, великодержавный шовинист, националист, а главное, не как сторонник, а как противник марксизма-ленинизма. Все эти обвинения, как было показано нами, не соответствуют действительности. Мао Цзэ-дун был не противником, а сторонником марксизма-ленинизма, в той мере, в какой он усвоил учение основоположников марксизма-ленинизма. Напомним, что в отличие от его критиков, ученых-обществоведов Советского Союза, он не кончал академических вузов, а «... изучил марксизм, – как он сам признавал, – по книгам...»⁷³, занимаясь самообразованием и самообразованием. И, как видим, достаточно успешно, выступая с лекциями, докладами, в печати, с позиций марксизма-ленинизма, против догматизма и эмпиризма в партии. Основанием было то, что в рядах партии имелись выходцы не только из пролетарских, но из кулацких, помещичьих семей, и даже из семей капиталистов. Они вели активную борьбу за национальное освобождение страны от империалистического гнета, за проведение народно-демократической революции, но не владели марксизмом-ленинизмом и были склонны к проявлению ошибок догматического характера в вопросах идеологии и политики партии.

Примечательна в этом отношении идеологическая и политическая борьба Мао Цзэ-дуна с Ван Мином – членом Политбюро и секретарем ЦК КПК⁷⁴. Борьба в КПК между Мао Цзэ-дуном и Ван Мином («москвичами») зародилась еще в период гражданской войны в Китае. В то время левый оппортунизм проявился не только в идеологической, политической, но и в организационной, и военной областях деятельности партии. Однако, и после смерти Мао Цзэ-дуна, он продолжал вести борьбу с ним, публикуя в Советском Союзе книгу «Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна» (1979). В ней, как видим, Мао Цзэ-дун представлен не просто как идейный и политический противник марксизма-ленинизма, но и как предатель «...Компартии Китая и китайской революции, врагом всего китайского народа»⁷⁵.

Данная работа Ван Мина была взята на вооружение и учеными-обществоведами в Советском Союзе в борьбе с Мао Цзэ-дуном. В качестве примера возьмем взгляды Мао Цзэ-дуна и Ван Мина о коалиционном правительстве. «25 февраля 1945 г. я, – писал Ван Мин, – выступил с докладом «О современном положении и задачах партии» на общем собрании кадровых работников парткома при ЦК КПК, Бюро ЦК КПК по Северо-Западному Китаю и парткома Погранрайона Шэньси – Ганьсу – Нинся, на котором присутствовало более тысячи человек. Этот доклад, в котором выдвигался политический курс, по своему содержанию был прямо противоположен докладу Мао Цзэ-дуна на VII съезде КПК «О коалиционном правительстве»⁷⁶. Постановка вопроса о коалиционном правительстве в 1945 г. Мао Цзэ-дуном, как мы знаем, была правомерной, поскольку в Китае шла война с японскими захватчиками, и китайский народ нуждался в сплочении всех демократических, антиимпериалистических сил. На коалиционном правительстве, после окончательной победы народно-демократической революции в Китае, не Мао Цзэ-дун, а вопреки ему, настаивал И.В.Сталин и ЦК ВКП(б).

Напомним, что с разгромом японских захватчиков и войск гоминьдана, Мао Цзэ-дун и руководство КПК придерживались точки зрения, что все политические партии, кроме КПК, должны уйти с политической арены, с чем были не согласны ЦК ВКП(б) и лично И.В.Сталин. От имени ЦК ВКП(б) И.В.Сталин настаивал на создании коалиционного правительства с привлечением в него представителей не только мелкой, но и крупной буржуазии⁷⁷.

Какой же точки зрения по данному вопросу придерживались наши ученые-обществоведы – И.В.Сталина или Ван Мина? Они вслед за Ван Мином писали: «Мао Цзэ-дун подошел к моменту победы народной революции и образования КНР (курсив наш – Е.Г.) с идеей коалиционного правительства и настаивал на том, чтобы Китай оставался в течение какого-то периода на так называемом «новодемократическом этапе». Мао Цзэ-дун исходил из того, что «китайский народ не может вводить у себя социалистический строй», и выдвинул политическую программу коалиционного правительства как альтернативу диктатуре пролетариата. Вместо нее Мао предлагал ввести диктатуру «всех революционных, патриотических классов», включая и национальную буржуазию⁷⁸. И в вопросе о привлечении в коалиционное правительство патриотически настроенную часть буржуазии, опять же идея была не Мао Цзэ-дуна, а И.В.Сталина. Что можно после этого сказать? Не компетентность или преднамеренное искажение фактов? Трудно сказать, но скорее последнее.

Ф.М.Бурлацкий, критически воспринимая идейно-политические взгляды Мао Цзэ-дуна, тем не менее, на наш взгляд, дает объективную оценку его деятельности в истории Китая. «Место Мао Цзэдуна в истории Китая и всемирной истории XX века может быть понято, – пишет Ф.М.Бурлацкий, – только в контексте состязания и сотрудничества различных цивилизаций современного человечества. Западная цивилизация. Российская цивилизация. Индийская цивилизация. Исламская цивилизация. Латиноамериканская цивилизация. Наконец, китайская цивилизация, яркими представителями которой были и Мао Цзэ-дун, и Дэн Сяопин»⁷⁹.

Нами достаточно обстоятельно показано место и роль Мао Цзэ-дуна в истории Китая, его активная деятельность в годы борьбы китайского народа за независимость, проведения народно-демократической революции, построения социализма в КНР (1918 – 1957), а также и допущенные им ошибки в его деятельности в годы осуществления в Китае «большого скачка», «народных коммун» и «культурной революции», то есть в последний период своей деятельности (1958 – 1976).

Заслуживает внимания и деятельность Дэн Сяопина в истории Китая. «Он, – по утверждению Ф.М. Бурлацкого, – восстановил выдвинутый Чжоу Эньлаем лозунг «четырёх модернизаций» – модернизации промышленности, сельского хозяйства, обороны и науки»⁸⁰. Дэн Сяопин был активным реформатором в сферах: экономической, социальной, политической и культурной жизни китайского народа. Его реформы легли в основу строительства социализма с китайской спецификой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Александров И.А., Федосеев П.Н. Лозунги и дела китайского руководства. Об идейно-политической сущности маоизма. – М., 1971; Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэ-дуна. – М., 1969; Алтайский М., Георгиев В. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. – М., 1969; Вятский В., Димин Ф. Экономический авантюризм маоистов (о маоистском курсе в экономике) – М., 1970; Капица М.С. КНР: два десятилетия – две политики. – М., 1969; Китай сегодня. – М., 1969; Китай после «культурной революции» (политическая система, внутривнутриполитическое положение). – М., 1979; Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма. – М., 1975; Маоизм без Мао. – М., 1979; Новейшая история Китая 1917 – 1970 гг. – М., 1972; Румянцев А.М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна» (об антимарксистской сущности маоизма). – М., 1972; Тихвинский С.Л. История Китая и современность. – М., 1976; Яременко Ю. «Большой скачок» и народные коммуны в Китае. – М., 1968 и др.

² Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма. – М., 1975. – С.6.

³ Румянцев А.М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна» (об антимарксистской сущности маоизма). – М., 1972. – С. 40.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ К этому времени в Советском Союзе по философии были опубликованы следующие работы: Асмус В.Ф. Очерки истории диалектики в новой философии. – М-Л, 1930; Асмус В.Ф. Диалектический материализм и логика. – Киев, 1924; Аксельрод Л.И. Карл Маркс как философ. – Харьков, 1924; Вирьяш А.И. Логика и диалектический материализм. – М., 1928; Митин М.Б. Боевые вопросы материализма. – М., 1930; Ситьковский Е.П. Об основных чертах марксистского диалектического метода. – М., 1939 и др.

⁶ Штракс Г.М. Социальное противоречие. – М., 1977. – С.70.

⁷ Щербина В.Ф. Проблемы диалектических противоречий в экономике социализма. – М., 1977. – С.58.

- ⁸ Куделин Е.Г. Диалектика производства и потребностей. – М., 1977. – С. 18.
- ⁹ Ковалев А.М. Социализм и закономерности общественного развития. – М., 1982. – С. 101.
- ¹⁰ Там же. С. 95.
- ¹¹ Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма. – М., 1975. – С.54 –55.
- ¹² Там же. С. 54.
- ¹³ Алтайский М., Георгиев В. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. – М., 1969. – С. 54 –55.
- ¹⁴ См.: Лю Шао-ци. Политический отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Китая VIII Всекитайскому съезду партии 15 сентября 1956 года // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15 – 27 сентября 1956 года). – М., 1956. – С. 10; Ли Фу-чунь. Доклад О первом пятилетнем плане развития народного хозяйства Китайской Народной Республики 5–6 июля 1955 г. // Материалы второй сессии Всекитайского Собрания народных представителей (5–30 июля 1955 г.). – М., 1956. – С. 10 – 11.
- ¹⁵ Мао Цзэ-дун. Относительно противоречия (Август 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 2. – М., 1953. – С.414.
- ¹⁶ Румянцев А.М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна» (об антимарксистской сущности маоизма). – М., 1972. – С. 58.
- ¹⁷ Там же. С. 56.
- ¹⁸ Мао Цзэ-дун. Относительно противоречия (Август 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 2. – М., 1953. – С.448 – 449.
- ¹⁹ Там же. С. 449.
- ²⁰ См.: Мао Цзэ-дун. Относительно противоречия (Август 1937 года). 2.Всеобщность противоречия. 3. Специфичность противоречия. 4. Главное противоречие и главная сторона противоречия. // Избранные произведения. – Т. 2. – М., 1953. – С.416 – 450.
- ²¹ Мао Цзэ-дун. Относительно противоречия (Август 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 2. – М., 1953. – С.449 – 450.
- ²² Ленин В.И. Философские тетради // Полн.собр.соч. – Т. 29. – С.98.
- ²³ Мао Цзэ-дун. Относительно противоречия (Август 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 2. – М., 1953. – С.453.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма. – М., 1975. – С.38.
- ²⁶ Алтайский М., Георгиев В. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. – М., 1969. – С. 78.
- ²⁷ Румянцев А.М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна» (об антимарксистской сущности маоизма). – М., 1972. – С. 43 – 44.
- ²⁸ Мао Цзэ-дун. Относительно противоречия (Август 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 2. – М., 1953. – С.452 – 453.
- ²⁹ См.: Герасимов Е.Н. Диалектика общественной жизни. – Часть I. Куда идет человечество (прав ли К.Маркс в прогнозе его будущего?). – К., 2005; Диалектика общественной жизни. – Часть II. Коммунизм в теории и реалиях истории. – К., 2007.

³⁰ Ленин В.И. Философские тетради // Полн.собр.соч. – Т. 29. – С.98.

³¹ В первой части монографии «Диалектика общественной жизни» нами дан ответ на один из вопросов, поставленных В.И. Лениным, а именно: «Как бывают тождественными противоположности, – при каких условиях они бывают тождественными?» На этот вопрос уверенно можно ответить, что тождество противоположностей, например, между производством и потреблением, было в условиях первобытного способа производства, где отношения и производства, и распределения, и обмена, и потребления взаимосвязаны и взаимообусловлены, одно не существует без другого.

Во второй части монографии «Диалектика общественной жизни» нами дается ответ на вопрос, поставленный В.И.Лениным: «Как могут быть тождественными противоположности, – при каких условиях они бывают тождественными? » Нами осуществляется прогнозирование сущности и характерных черт высшей фазы коммунистического общества, проводится историческая аналогия с «первобытным коммунизмом» и говорится как могут быть тождественными противоположности между производством и потреблением при коммунизме.

Коммунизм понимается не только как теория, но и как реальное движение к более зрелой его стадии. В этом смысле о социализме принято говорить как о низшей фазе коммунизма, где логично должен и решаться ответ на вопрос, поставленный В.И.Лениным: «Как становятся тождественными противоположности, – при каких условиях они становятся тождественными? » Под этим углом зрения нами рассматривается не только становление и развитие социализма в СССР, но и его временное поражение.

³² Босенко В.А. Всеобщая теория развития. – К.,2001. – С.27.

³³ Там же. С.25

³⁴ Там же. С.28 –29.

³⁵ Философская энциклопедия. – Т. 1. – М., 1960. – С.70.

³⁶ Козловский В. Антагонистические и неантагонистические противоречия. – М., 1954. – С. 30.

³⁷ Там же. С. 30 – 31.

³⁸ Там же. С.15.

³⁹ Там же. С.37.

⁴⁰ Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. – М., 1957. – С. 4.

⁴¹ Лю Шао-ци. Отчетный доклад о работе Центрального Комитета КПК второй сессии VIII Всекитайского съезда партии (5 мая 1958 года) // Вторая сессии VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (Пекин, 5–23 мая 1958 года).– М., 1958. – С.18.

⁴² Речь товарища Пэн Дэхуая 18 сентября 1956 года // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15–27 сентября 1956 года).– М., 1956. – С.197.

⁴³ Владимиров П. Особый район Китая 1942–1945гг. – М., 1973. – С. 83.

⁴⁴ Маоизм без прикрас. Некоторые уже известные, а также ранее не опубликованные в китайской печати выступления Мао Цзэ-дуна. – Сборник. – М., 1980. – С.91.

⁴⁵ Лю Шао-ци. Отчетный доклад о работе Центрального Комитета КПК второй сессии VIII Всекитайского съезда партии (5 мая 1958 года) // Вторая сессии VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (Пекин, 5–23 мая 1958 года). – М., 1958. – С.60.

⁴⁶ Герасимов Е.Н. Гносеологические корни и социальная сущность догматизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – К., 1967. – С.6.

⁴⁷ Мао Цзэ-дун. Относительно практики. О связи познания и практики – связи знания и действия (Июль 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1952. – С.4.

⁴⁸ В словаре иностранных слов термин «догматизм» определяется как «мышление, опирающееся на *догмы*; мышление застывшими, неизменными формулами, без учета конкретных условий, места и времени, к которым относятся эти формулы...», а термин «консерватизм» – это «приверженность к старому строю, старым, отжившим порядкам...». Они не тождественны, но однопорядковые. Консерватизм – это скорее форма (вид) проявления догматизма. / См.: Словарь иностранных слов. – М., 1954. – С. 241, 350–351.

⁴⁹ Герасимов Е.Н. Гносеологические корни и психофизиологические предпосылки возникновения догматизма. – Сб.статей. – К., 2008. – С.7.

⁵⁰ Мао Цзэ-дун. Относительно практики. О связи познания и практики – связи знания и действия (Июль 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1952. – С.525.

⁵¹ Герасимов Е.Н. Конкретность истины и философский догматизм // «Матеріалізм і емпіріокритицизм» – шедевр світової філософської думки». Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції 27 – 28 листопада 2008 року. – К., 2008. – С. 66.

⁵² Мао Цзэ-дун. Относительно практики. О связи познания и практики – связи знания и действия (Июль 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1952. – С.507.

⁵³ Ленин В.И. Философские тетради. // Полн.собр.соч. – Т. 29. – С.195.

⁵⁴ Мао Цзэ-дун. Относительно практики. О связи познания и практики – связи знания и действия (Июль 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1952. – С.507– 508.

⁵⁵ Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма. III. Эклектика, метафизика и субъективизм – сущность философских взглядов маоизма. 6. Механистически-метафизическое извращение маоизмом основных положений диалектики; 7. Маоизм с антимарксистских позиций рассматривает вопросы теории познания; 8. Мао Цзэ-дун дает искаженное представление о понятии «практика». – М., 1975. – С.36–52.

⁵⁶ Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма. – М., 1975. – С.50.

⁵⁷ Мао Цзэ-дун. Относительно практики. О связи познания и практики – связи знания и действия (Июль 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1952. – С.505.

⁵⁸ Там же. С.506.

⁵⁹ Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма. – М., 1975. – С.51.

⁶⁰ Мао Цзэ-дун. Относительно практики. О связи познания и практики – связи знания и действия (Июль 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1952. – С.512.

⁶¹ См.: Мао Цзэ-дун. Относительно противоречия (Август 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 2. – М., 1953. – С.449–450.

⁶² Маоизм – идейный и политический противник марксизма-ленинизма. – М., 1975. – С.52.

⁶³ Алтайский М., Георгиев В. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. – М., 1969. – С. 130.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Мао Цзэ-дун. Относительно практики. О связи познания и практики – связи знания и действия (Июль 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1952. – С.506.

⁶⁶ Алтайский М., Георгиев В. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. – М., 1969. – С. 131 .

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Мао Цзэ-дун. Относительно практики. О связи познания и практики – связи знания и действия (Июль 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1952. – С.519.

⁷⁰ Румянцев А.М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна» (об антимарксистской сущности маоизма). – М., 1972. – С. 76.

⁷¹ Мао Цзэ-дун. Относительно практики. О связи познания и практики – связи знания и действия (Июль 1937 года) // Избранные произведения. – Т. 1. – М., 1952. – С.508.

⁷² Румянцев А.М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна» (об антимарксистской сущности маоизма). – М., 1972. – С. 77.

⁷³ Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. – М., 1957. – С. 26.

⁷⁴ Ван Мин учился в Москве, работал на высоких руководящих должностях в Коминтерне. В хрущевско-брежневский период в Советском Союзе он выступал в поддержку решений XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях», а также в поддержку курса КПСС на строительство коммунизма в Советском Союзе. Он считал, что «КПСС и СССР – это живое воплощение научного коммунизма, это марксизм-ленинизм в действии». Именно «КПСС является самой передовой, самой опытной, самой авторитетной и самой сильной коммунистической партией, общепризнанным авангардом в мировом коммунистическом движении, а Советский Союз обладает наибольшим опытом, наибольшими достоинствами, наибольшей мощью и наибольшим авторитетом в социалистическом содружестве»./ См.: Ван Мин «Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна». – М., 1979. – С. 177.

Как видим, взгляды Мао Цзэ-дуна, который рассматривал деятельность руководства КПСС и советского правительства в хрущевско-брежневский период как проявление ревизионизма, что расходится с точкой зрения Ван Мина – догматическими в своей основе.

⁷⁵ Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. – М., 1979. – С. 174.

⁷⁶ Там же. С.154.

⁷⁷ См.: Записка А.И. Микояна в Президиум ЦК КПСС о поездке в Китай в январе – феврале 1949г. // Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937 – 1952. – М., 1999. – С.56.

⁷⁸ Маоизм – идеология и политика, враждебные марксизму-ленинизму.

// Маоизм без Мао. – М., 1979. – С.15.

⁷⁹ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. – М., 2003. – С. 50.

⁸⁰ Там же. С.198.

Герасимов Е.Н.

И.В. Сталин в судьбах китайского народа

Задолго до освобождения Китая от японских захватчиков и образования КНР Мао Цзэ-дун дал высокую оценку личности И.В. Сталина в день его шестидесятилетия. «Сталин, – писал он, – верный друг китайского народа в его борьбе за освобождение. Любовь китайского народа к Сталину, дружеские чувства китайского народа к Советскому Союзу глубоко искренни. И никакая клевета, никакие попытки посеять между нами вражду не достигнут цели»¹. Любовь Мао Цзэ-дуна была искренней. Он ошибся лишь в том, что никакая клевета не способна поссорить нас, посеять между нами вражду. Клевета в адрес И.В. Сталина со стороны Н.С. Хрущева и его сторонников на XX съезде КПСС привела к вражде и недоверию между китайским и советским правительствами, между КПК и КПСС. Но об этом будет сказано ниже.

После смерти В.И. Ленина (21 января 1924года) основателя партии большевиков и советского государства – И.В. Сталин стал его достойным продолжателем. Как и В.И. Ленин он постоянно следил за событиями в Китае, за революционным процессом в ней. На этапе проведения народно-демократической революции в Китае в 1925 – 1926 гг. И.В. Сталин анализирует ее характер, движущие силы и перспективы развития. Об этом свидетельствует его речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 года. В ней он говорил, что кроме общих черт «... китайская революция будет иметь еще свои специфические особенности, которые должны наложить свой особый отпечаток на революцию в Китае.

Что это за особенности?

Первая особенность, – отвечает И.В. Сталин на поставленный им вопрос, – состоит в том, что китайская революция, будучи революцией буржуазно-демократической, является вместе с тем национально-освободительной революцией, направленной своим острием против господства чужеземного империализма в Китае...

Вторая особенность китайской революции состоит в том, что крупная национальная буржуазия до последней степени слаба в Китае... Но из этого следует, что роль инициатора и руководителя китайской революции, роль вождя китайского крестьянства должна неминуемо попасть в руки китайского пролетариата и его партии.

Не следует также забывать, – подчеркнул И.В. Сталин, – о третьей особенности китайской революции, состоящей в том, что рядом с Китаем существует и развивается Советский Союз, революционный опыт которого и помощь которого не может не облегчить борьбы китайского пролетариата

против империализма и против феодально-средневековых пережитков в Китае»².

Спустя почти двадцать лет ЦК КПК, как и предполагал И.В. Сталин, – поставил задачу о завершении народно-демократической революции, по своему характеру буржуазно-демократической, и создание народно-демократического, коалиционного правительства. Мао Цзэ-дун в беседе с А.И. Микояном подчеркнул, что «... при разработке вопроса о характере китайской революции он основывался на высказываниях товарища Сталина, относящихся к 1927г., и на его позднейших работах о характере китайской революции»³. Это, естественно, также относится и к народно-демократическому правительству, его характеру. В опубликованной в апреле 1945 года работе «О коалиционном правительстве» Мао Цзэ-дун считал необходимым «упразднить однопартийную диктатуру гоминьдана, создать демократическое коалиционное правительство»⁴. Мао Цзэ-дун исходил из того, что японские захватчики не были еще до конца разгромлены и китайский народ крайне нуждался в сплочении всех демократических, антиимпериалистических сил.

С разгромом японских захватчиков и войск гоминьдана Мао Цзэ-дун и руководство КПК придерживались прямо противоположной точки зрения. В телеграмме Мао Цзэ-дуна, адресованной в ЦК ВКП (б) 30 ноября 1947 года, говорилось: «В период окончательной победы китайской революции, по примеру СССР и Югославии, все политические партии, кроме КПК, должны будут уйти с политической арены, что значительно укрепит китайскую революцию».

В ответной телеграмме нашего ЦК, – писал в записке в Президиум ЦК КПСС А.И. Микоян, – подписанной Сталиным 20 апреля 1948 года, по этому поводу в частности было сказано: «Мы с этим не согласны. Думаем, что различные оппозиционные политические партии в Китае, представляющие средние слои китайского населения и стоящие против гоминьдановской клики, будут еще долго жить и киткомпартия вынуждена будет привлечь их к сотрудничеству против китайской реакции и империалистических держав, сохранив за собой гегемонию, то есть руководящее положение. Возможно, что некоторых представителей этих партий придется ввести в китайское народно-демократическое правительство, а само правительство объявить коалиционным, чтобы тем самым расширить базу этого правительства в населении и изолировать империалистов и их гоминьдановскую агентуру».

Как известно, – отмечает А.И. Микоян, – в связи с этим советом КПК изменила свою политику в отношении буржуазных партий»⁵. КПК, как мы знаем, пошла на союз не только с мелкой, но даже и с крупной буржуазией.

В этом отношении представляет определенный интерес беседа А.И. Микояна с Лю Шао-ци 3 февраля 1949 года. «Лю Шао-ци заявил, – говорилось в телеграмме Микояна об этой беседе, что они будут проводить конфискацию предприятий компрадорской буржуазии под видом конфискации бюрократического капитала. Что касается частных предприятий национальной буржуазии, то через 1 – 2 года можно поставить вопрос об их судьбе в плане национализации». На это, – пишет А.М. Ледовский, – Микоян сказал: «Осторожная политика в отношении национальной буржуазии является

правильной. Лучше присмотреться к ней и, когда власть окрепнет, поднять вопрос о ней»⁶.

Примечательно и то, что «самой сложной проблемой для Китая, – отмечал в беседе с А.И. Микояном Лю Шао-ци, – является вопрос о мелких товаропроизводителях: пойдут ли они по кооперативному пути, то есть к социализму, или к капитализму»⁷. В Китае мелкие товаропроизводители пошли по пути кооперации, то есть по пути социализма.

Что касается второй особенности китайской революции, то есть о ее движущих силах и руководящей роли пролетариата, то здесь ответ не может быть однозначным. Следует иметь в виду, что промышленный пролетариат в годы борьбы китайского народа за независимость составлял всего лишь 3,6 млн. человек, то есть 0,6 % населения страны⁸. Основную массу населения страны составляли крестьяне, мелкие торговцы, кустари, ремесленники. Крестьянство, в условиях национально-освободительной борьбы китайского народа за национальное освобождение страны, было основной революционной силой. В тот период «Мао Цзэ-дун, – как писал в Президиум ЦК КПСС А.И. Микоян, – не придавал необходимого значения пролетарской прослойке в составе компартии и внимание ЦК к городу и рабочему классу было слабее, чем к крестьянству»⁹. И только на этапе строительства социализма, по мере развития промышленного производства, рабочий класс становился инициатором и основной социальной силой социалистического преобразования общества. С образованием КНР и вступлением на социалистический путь развития страны, власть в стране переходит в руки китайского рабочего класса и крестьянства. Мао Цзэ-дун, выступая на VIII съезде ЦК 15 сентября 1956 года, отметил: «С точки зрения внутренних условий мы одержали победы, опираясь на союз рабочих и крестьян, руководимый рабочим классом, и сплотив все силы, которые можно было сплотить»¹⁰. Далее, Мао Цзэ-дун подчеркнул, что «... наши победы были одержаны благодаря поддержке возглавляемого Советским Союзом лагеря мира, демократии и социализма»¹¹, то есть, рядом с Китаем существовал и развивался, – по терминологии И.В. Сталина, – Советский Союз, оказывающий ему необходимую помощь и поддержку.

Говоря о роли И.В. Сталина в судьбах Китая, следует напомнить, что в период так называемого «двоевластия» (официально признанным союзниками было нанкинское правительство) И.В. Сталин придерживался тактики, с одной стороны, не давать ни малейшего повода для обвинений в нелояльности к нанкинскому правительству, а с другой, – всеми возможными средствами поддержать китайских коммунистов. Об этом свидетельствует многолетнее присутствие в окружении Мао Цзэ-дуна двух доверенных советских сотрудников, обеспечивающих переписку между И.В. Сталиным и Мао Цзэ-дуном; проведенная секретная миссия А.И. Микояна в январе – феврале 1949 года; а также присутствие в Особом районе Китая, контролируемым ЦК и Красной армией, товарищей, направленных Коминтерном и Советским правительством¹². К этому следует добавить, что 14 августа 1945 года в Москве был подписан Договор о дружбе и союзе с правительством гоминьдана во исполнение достигнутых договоренностей на Крымской конференции (США, Англия и СССР) о послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке. По

договору стороны, подписавшие договор, обязывались вести войну против Японии до окончательной победы и Советский Союз 8 августа объявил войну Японии.

США и Англия ни о каком послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке и не помышляли. У. Черчилль еще в мае 1945 года вынашивал планы создания «нового фронта» против Красной Армии. Для этих целей им была разработана операция «Немыслимое», целью которой было навязать русским волю Соединенных Штатов и Британской империи. План У. Черчилля стал известен Москве и Генеральный штаб принял соответствующие меры и операция «Немыслимое» была сорвана¹³. Это не значит, что США и Англия отказались от поставленной ими цели. В США вынашивались планы нападения на Советский Союз с применением атомного оружия и с привлечением сил гоминьдановского и других реакционных режимов в этой войне. В это время гоминьдановский режим в Китае взял курс на интернационализацию внутреннего конфликта в Китае путем так называемого «мирного наступления» войск гоминьдана с целью дискредитации компартии Китая.

В этой связи заслуживает внимания интенсивная переписка между И.В. Сталиным и Мао Цзэ-дуном по вопросу о посредничестве четырех держав в прекращении военных действий между войсками гоминьдана и народно-демократической армией Китая. Цель предложения нанкинцкого правительства – объявить нанкинцкое правительство сторонником прекращения войны и установления мира, а компартию, как уже сказано, объявить сторонником продолжения войны, если компартия откажется от мирных переговоров с нанкинцами.

Надо отдать должное Мао Цзэ-дуну, который по данному вопросу правильно понял советы И.В. Сталина. В заключительной телеграмме от 15 января 1949 года И.В. Сталин писал: «Товарищу Мао Цзэ-дуну. Мы только что получили Вашу небольшую последнюю телеграмму, из которой видно, что между нами установилось единство взглядов по вопросу о мирном предложении нанкинцев и что компартия Китая уже начала «мирную» компанию. Значит, вопрос надо считать исчерпанным. Филиппов. 15 января 1949 года»¹⁴. Обмен мнениями между Мао Цзэ-дуну и И.В. Сталиным был продолжен как по вопросам внутренней, так и внешней политики Китая. В вопросах внешней политики – это установление нормальных отношений с США и другими капиталистическими странами. Точку зрения Мао Цзэ-дуна по данному вопросу сообщил в Москву И.В. Ковалев, представитель ЦК ВКП (б) при ЦК КПК. Он писал: «Мао Цзэ-дун сделал вывод, что ЦК КПК считает возможным изменение ранее принятой точки зрения на взаимоотношения с капиталистическими странами. Если раньше, – писал Мао Цзэ-дун, – мы придерживались курса непризнания капиталистических стран и их дипломатических представительств в Китае, т.е. дипломатии свободных рук, то сейчас при взятии центральной власти в свои руки... нам придется избрать дипломатию полусвободных рук, т.е. в отдельных случаях вступать с ними в фактические связи, не допуская, однако, юридического оформления этих дипломатических отношений»¹⁵.

ЦК ВКП (б) и лично В.И. Сталин считали точку зрения ЦК КПК и Мао Цзэ-дуна, ошибочной. «19 апреля 1949 г. И.В. Сталин телеграфировал

И.В. Ковалеву: «При встрече с Мао Цзэ-дуном скажите ему следующее: Первое. Мы считаем, что Демократическому Правительству Китая не следует отказываться от установления официальных отношений с некоторыми капиталистическими государствами, включая США, если эти государства официально откажутся от военной, хозяйственной и политической поддержки Чан Кайши и гоминьдановского правительства...

Второе. Мы считаем, что не следует отказываться от иностранного займа и от торговли с капиталистическими странами при определенных условиях...»¹⁶ Как видим, есть все основания считать, что шаги руководства КПК, направленные на нормализацию отношений с США и рядом других капиталистических государств, были предприняты с одобрения СССР и лично И.В. Сталина.

Важное значение в развитии советско-китайских отношений и роли И.В.Сталина в судьбах китайского народа имели переговоры И.В. Сталина и Мао Цзэ-дуна в Москве в декабре 1949 – феврале 1950 года. Визит Мао Цзэ-дуна в Москву им планировался еще в начале 1947 г., затем в апреле 1948 г., в июле того же года, наконец, на декабрь 1948 года. И.В. Сталин под различными предлогами откладывал этот визит, не называя главную причину. Истинная причина отсрочек визита заключалась в том, что в тот период, когда между советским правительством и гоминьдановским сохранялись официальные отношения Политбюро ЦК ВКП (б) откладывало эти поездки. Так было и в отношении планировавшегося визита на декабрь 1948 года. Вместо этого было принято решение направить для переговоров с Политбюро ЦК КПК А.И. Микояна, с запиской которого в Президиум ЦК КПСС мы уже знакомы.

Визит состоялся после провозглашения 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики и создания правительства КНР. 5 декабря 1949 года в беседе с представителем ЦК ВКП (б) И.В. Ковалевым Мао Цзэ-дун сообщил ему о своем желании посетить Москву и лично поздравить товарища И.В. Сталина в день его 70-летия. Цель визита состояла не только в том, чтобы обсудить вопросы, касающиеся международной обстановки и советско-китайских отношений, но и в том, чтобы отдохнуть и подлечиться, что и было учтено советским руководством.

16 декабря 1949 года Мао Цзэ-дун поездом прибыл в Москву. На Ярославском вокзале Мао Цзэ-дуна встречали от имени И.В. Сталина два заместителя председателя Совета Министров СССР – В.М.Молотов и Н.А. Булганин, члены советского правительства, а также сотрудники посольства КНР. В тот же день состоялась встреча И.В. Сталина и Мао Цзэ-дуна. Она носила теплый, дружественный, откровенный и уважительный характер. В ходе переговоров были достигнуты соглашения: на установление широких торгово-экономических связей с КНР и на поставку промышленного оборудования; на получение кредита Советского Союза Китаю на сумму 300 млн. американских долларов; на установление воздушных путей сообщения между Китаем и СССР и создание морского флота; о подготовке советско-китайского договора и необходимых к нему соглашений, и по ряду других вопросов. К этому следует добавить, что в переговорах с Мао Цзэ-дуном И.В. Сталин проявил уступчивость, и учитывая то, что китайская экономика

крайне разорена, И.В. Сталин встал на путь отказа от всего того, что СССР получил по договору 1945 года и по предыдущим соглашениям с Китаем.

Сбылась мечта Мао Цзэ-дуна и он 21 декабря в Большом театре Союза ССР поздравил И.В. Сталина с его 70-летием. В своем выступлении он сказал: «Дорогие товарищи и друзья! Я всем сердцем рад тому, что мне представилась возможность принять участие в торжественном собрании, посвященном семидесятилетию со дня рождения товарища Сталина (бурные аплодисменты).

Товарищ Сталин является учителем и другом народов всего мира. Ему принадлежат развитие революционной теории марксизма-ленинизма и в высшей степени выдающийся, колоссальный вклад в дело международного коммунистического движения.

Китайский народ в борьбе против угнетателей всегда глубоко и остро чувствовал и чувствует всю важность дружбы товарища Сталина.

Разрешите мне от имени китайского народа и Коммунистической партии Китая в этот торжественный час поздравить товарища Сталина с семидесятилетием со дня рождения и пожелать ему здоровья и долгих лет жизни (бурные аплодисменты).

Позвольте выразить пожелание счастья и процветания нашему великому союзнику – Советскому Союзу, возглавляемому товарищем Сталиным»¹⁷.

14 февраля 1950 года в Кремле состоялось подписание Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР, а также Соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, Соглашения о предоставлении Советским Союзом кредита правительству КНР. 17 февраля Мао Цзэ-дун и Джоу Эньлай покинули Москву. На Ярославском вокзале Мао Цзэ-дун выступил с прощальной речью, в которой сказал: «Дорогие товарищи и друзья! Будучи в Москве, я и тов. Джоу Эньлай, а также члены китайской делегации встретились с Генералиссимусом Сталиным и ответственными товарищами из Советского правительства. Трудно передать словами то полное взаимопонимание и глубокую дружбу, которые созданы на основе коренных интересов наших великих народов Китая и Советского Союза. Все видят, что сплочение великих китайского и советского народов, закрепленное договором, является долговечным, нерушимым и непоколебимым. Это сплочение неизбежно повлияет не только на процветание великих держав Китая и Советского Союза, а также на будущность всего человечества и поведет к победе справедливости и мира во всем мире.

За время пребывания в столице СССР – Москве, и в городе рождения Октябрьской революции – Ленинграде, мы чувствовали теплое гостеприимство. Покидая Великую социалистическую страну, мы искренне выражаем сердечную признательность Генералиссимусу Сталину, Советскому правительству и советскому народу.

Да здравствует дружба и вечное сотрудничество Китая и Советского Союза!

Да здравствует учитель революции во всем мире и лучший друг китайского народа товарищ Сталин!»¹⁸.

Об искренней дружбе между Советским Союзом и КНР говорит и И.В. Сталин в письме к Мао Цзэ-дуну по случаю седьмой годовщины победы китайского народа над японскими империалистами. Он писал: «Великая

дружба между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой является надежной гарантией против угрозы новой агрессии, мощным оплотом мира на Дальнем Востоке и во всем мире...

Да здравствует нерушимая дружба Китайской Народной Республики и Советского Союза!»¹⁹.

Нерушимая дружба КНР и Советского Союза была прервана, когда И.В. Сталина не стало, когда в Советском Союзе, как уже отмечалось, с подачи Н.С. Хрущева началась так называемая «десталинизация», то есть ложь и клевета в адрес И.В. Сталина. На закрытом заседании XX съезда КПСС им был, как мы знаем, сделан доклад «О культе личности и его последствиях»²⁰. Анализ этого доклада убеждает в том, что в нем представлена искаженная картина деятельности партии и лично И.В. Сталина.

Период с 1949 по 1957 год, как мы уже знаем, был периодом плодотворного сотрудничества между КНР и СССР. СССР и лично И.В. Сталин играли значительную роль в судьбах китайского народа, чего не скажешь в отношении хрущевско-брежневского периода. Этот период отмечен идеологическими разногласиями между КПК и КПСС, в основе которого лежали решения XX съезда КПСС о «Культе личности и его последствиях». И как следствие, разрыв контактов между КПК и КПСС, между КНР и Советским Союзом, разрыв сотрудничества со странами социализма. Нами не разделяется точка зрения О.Владимирова, автора работы «Советско-китайские отношения в сороковых – восьмидесятых годах», где он пишет, что «с начала 60-х годов оно (советско-китайское сотрудничество – Е.Г.) *не по вине Советского Союза* (курсив наш – Е.Г.) стало быстро сокращаться и принимать другой характер»²¹.

Разве по вине китайского руководства на XX съезде КПСС была представлена искаженная картина деятельности И.В. Сталина, а следовательно, и деятельность его связанная с Китаем, с его судьбами? Причем здесь китайское руководство, которое усмотрело в реформах Н.С. Хрущева шаги, которые в итоге приоткрыли шлюзы для превращения ЦК КПСС в «штаб контрреволюции» и к ликвидации СССР? И надо отдать должное руководству КПК во главе с Мао Цзэ-дунем, которое за три десятилетия до контрреволюционного переворота в Советском Союзе, говорили о буржуазном перерождении в руководстве КПСС и в советском правительстве. В тот период Мао Цзэ-дун неоднократно заявлял, что он и впредь будет вести непримиримую борьбу против идейных позиций КПСС, обозначенных на XX, а позднее и на XXII съездах партии. В беседе с А.Н. Косыгиным, следовавшим через Пекин в ДРВ в феврале 1965 года, Мао Цзэ-дун заявил, что в качестве условия снятия разногласий между КПК и КПСС, он ставит далеко не абсурдное требование, как считает М.С. Капица, а вполне конкретное – отказаться от решений XX и XXII съездов партии²². Почему же ставится вопрос и о XXII съезде партии? Напомним, что в постановлении XXII съезда КПСС о Мавзолее В.И. Ленина от 30 октября 1961 года, говорилось о том, что нецелесообразным является «... дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И. Ленина»²³. Как в

таком случае должны были реагировать китайские товарищи на это постановление ЦК КПСС? Крайне негативно, помня о роли И.В.Сталина в судьбах китайского народа. Этим прежде всего и объяснялось обострение отношений между КПК и КПСС, между КНР и советским правительством в тех конкретно-исторических условиях .

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мао Цзэ-дун. Сталин – друг китайского народа (20 декабря 1939 года).//Избранные произведения. – Т.3. – М., 1953. – С.190–191.

² Сталин И.В. О перспективах революции в Китае. Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926г. Вопросы китайской революции. Тезисы для пропагандистов, одобренные ЦК ВКП(б) .– М., 1954. – С.4.

³ Записка А.И.Микояна в Президиум ЦК КПСС о поездке в Китай в январе-феврале 1949 г.// Ледовский А.Н. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937– 1952. – М., 1999. – С.65.

⁴ Мао Цзэ-дун. О коалиционном правительстве (24 апреля 1945 года). // Избранные произведения. – Т.4. – М., 1953. – С.514.

⁵ Записка А.И.Микояна в Президиум ЦК КПСС о поездке в Китай в январе-феврале 1949 г.// Ледовский А.Н. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937– 1952. – М., 1999. – С.56.

⁶ Ледовский А.Н. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937– 1952. – М., 1999. – С.76.

⁷ Там же.

⁸ См.: Законодательные акты Китайской Народной Республики. – М., 1952. – С.50.

⁹ Ледовский А.Н. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937– 1952. – М., 1999. – С.60.

¹⁰ Мао Цзэ-дун. Вступительная речь 15 сентября 1956 года // Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15–27 сентября 1956 года) . – М., 1956. – С.3.

¹¹ Там же. С.4.

¹² См.: Владимиров П.П. Особый район Китая 1942–1945 гг.– М., 1973, где им опубликованы его яньанские дневники.

¹³ См.: Операция «Немыслимое». Секретные военные планы британского премьер-министра У.Черчилля против СССР в мае 1945 года.// Рабочий класс.– 2009. – № 19. – май.

¹⁴ Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости 1898 – 1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. – М., 1996. – С.457.

¹⁵ Там же. С.467.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ледовский А.Н. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937– 1952. – М., 1999. – С.126.

¹⁸ Там же. С.139–140.

¹⁹ Сталин И. Письмо товарищу Мао Цзэ-дуну 2 сентября 1952 года // Сталин И. В. Соч. – Т. 16. – 1946–1952. – М., 1997. – С. 226.

²⁰ Никита Хрущев. О культе личности и его последствиях. Доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года. // См.: Сталин И. В. Соч. Том 16. 1946– 1952. / Сост. и общ. ред. Ричарда Косолапова. – М., 1997.

²¹ Владимиров О. Советско-китайские отношения в сороковых–восемидесятих годах. – М., 1984. – С. 87.

²² См.: Капица М. С. КНР: два десятилетия – две политики. – М., 1969. – С. 234.

²³ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – Т. 3. – М., 1962. – С. 362.

Выступление на Международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения И. В. Сталина. – Москва, Институт философии РАН, 21 декабря 2009 года.

Герасимов Е.Н.

Бросит ли Китай искру?

На наш взгляд, страны бывшего Советского Союза – на грани предреволюционной ситуации. Чтобы убедиться в этом, ответим на один вопрос: “Разве реставрированный дикий капитализм ускорил развитие производительных сил, увеличил количество материальных предметов потребления?” Нет, нет и еще раз нет! Он обострил противоречие между производством и потреблением, он на порядок понизил уровень жизни подавляющего числа граждан в странах бывшего Советского Союза, превратил их в нещадно эксплуатируемых бедняков, деморализованных нищих. Реставрированный капитализм реставрировал свое антагонистическое противоречие, а именно общественный характер производства, с одной стороны, а с другой – частнокапиталистическое присвоение, подписав тем самым свой смертный приговор.

После исполнения приговора в форме социалистической революции и установления власти народа главной задачей станет снятие противоречия между производством и потреблением. Общественному характеру производства должна соответствовать и общественная форма распределения и потребления. Взаимосвязь между производством, распределением, обменом и потреблением была, есть и будет на протяжении всей истории развития человеческого общества. Меняться будут лишь формы этой взаимосвязи и взаимообусловленности в зависимости от конкретно-исторических условий. Социализм в этом отношении не исключение. “Наш опыт построения социализма, – пишет доктор философских наук Евгений Иванович Суименко, – всего лишь эпизод его всемирной истории. Противникам социализма, паразитирующим на его ошибках и неудачах и видящим в них его идеологический крах, можно ответить, перефразируя одно из известных ленинских положений о так называемом “исчезновении материи”: *“социализм исчез” – это значит исчез тот предел, до которого мы знали социализм.* Современный его научный анализ в историческом опыте народов приводит к новому видению этого общественного строя, открывает новые его горизонты и перспективы”. К этому человечество шло, идет и будет идти, так как альтернативой глобальному капитализму – империализму – может быть только социализм.

В мире углубляется противоречие между интересами транснациональной монополии и международного финансового капитала, с одной стороны, и интересами стран периферии, то есть развивающихся стран, – с другой. В этих условиях классовая борьба принимает планетарный характер, и в этой борьбе, на наш взгляд, Китай имеет реальную *возможность*, по терминологии К. Маркса, “бросить искру в готовую взорваться мину”, то есть в глобальный капитализм. Но как будет в действительности, покажет время. В Китае наблюдается не свертывание товарного производства и товарно-денежных отношений, а следовательно и рынка, а, напротив, их расширение и утверждение в сфере экономики. Опасения на этот счет, высказанные коммунистами Китая в годы еще руководства КПК Дэн Сяопином, не сняты с повестки дня, на наш взгляд, и сегодня. На чем основывались убеждения Дэн Сяопина о невозможности превращения Китая в капиталистическую страну? На том основании, что “...все основные средства производства, – говорил он, – принадлежат у нас государству, являются общенародной собственностью”.

У нас, в бывшем Советском Союзе, также была государственная (общенародная) собственность, но она была низвергнута силами контрреволюции. Этот урок, будем

надеясь, послужит тому, что только на социалистическом пути развития Китай в непосредственном экономическом соревновании с США одержит победу, и наступит, как говорят уже сегодня, смена “века Америки” “веком Китая”, уверенно идущего по социалистическому пути развития. Только идя по этому пути развития, Китай имеет, я еще раз подчеркиваю, *реальную возможность стать лидирующей державой в мире*, ведущей за собой по пути социализма все остальные страны. Социализм или смерть! Социализм или варварство! Другого не дано.

Герасимов Евгений Николаевич 1927 года рождения, кандидат философских наук.

С 1944 по 1956 год служил в Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны. В 1948 году окончил Рижское военно-политическое училище. Офицер-политработник Советской Армии, награжден орденами и медалями.

В 1963 году окончил историко-философский факультет, отделение философии Киевского государственного университета им. Т.Г.Шевченко, а в 1966 году – аспирантуру.

С 1966 по 2000 год доцент Киевского Международного университета гражданской авиации. За заслуги в области высшего образования СССР награжден нагрудным знаком «За отличные успехи в работе», а в 1997 году знаком «Відмінник освіти України».

Автор более семидесяти научных работ, в том числе – шести монографий: «Диалектика содержания и характера труда в условиях развитого социализма»(1981г.), «Диалектика труда и совершенствование социализма»(1987г.), «Противоречие труда и перестройки»(1990г.), «Дорогу к свободе осилит идущий: От авторитаризма к «практическому гуманизму»(1997г.), «Диалектика общественной жизни. Часть 1.Куда идет человечество (прав ли К.Маркс в прогнозе его будущего?)»(2005г.), «Диалектика общественной жизни. Часть 2. Коммунизм в теории и реалиях истории»(2007г.) и брошюра «Антикоммунизм: история и современность»(2003г.).